

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ИГОРЬ ОСИПОВ
ИЗМЕРИТЕЛЬ

FUTURE CORP.

Игорь Осипов
Измеритель
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Измеритель», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691391
Игорь Осипов. Метро 2033. Измеритель: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083780-9*

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Казалось бы, чем отличаются руины постъядерного Смоленска от развалин других городов? Камни – они везде камни. Но

древний город всегда отличался людьми, которые с упертостью маньяков раз за разом восстанавливали свой дом, поднимали его из пепла. Люди – вот главное в городе. А люди всегда остаются людьми, со своими добродетелями, но и со своими пороками. Ими движут разные чувства, и именно они питают поступки, которые приводят к не всегда благовидному результату. Зло порождает зло. Как это измерить – рецепта нет.

Содержание

Желтая майка лидера	6
Пролог	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	43
Глава 4	58
Глава 5	72
Глава 6	90
Часть вторая	109
Глава 7	109
Глава 8	131
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Игорь Осипов

Метро 2033. Измеритель

Автор идеи –

Дмитрий Глуховский

*А мы, взирая в черепа людей,
В своем видении,
Оскал цивилизации
Им пробуем вернуть.*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

«Смоленску повезло: на истертой и обгоревшей карте постгрядерной России его открыл Игорь Осипов. Игорь в своей жизни такого повидал, что на несколько романов хватило бы с лихвой; и уж точно знает то, о чем пишет: о пределах человечности, о природе власти, о силе любви. О том, как измерить неизмеримое».

Дмитрий Глуховский

Желтая майка лидера

Докладная записка

Вячеслава Бакулина

Ни для кого не секрет, что экстремальные ситуации – а всемирная катастрофа, несомненно, проходит как раз по разряду таковых – обычно раскрывают в человеке те свойства, качества и возможности, которые в обычной, мирной жизни он может не обнаружить в себе никогда. Причем как положительные, так и отрицательные. И вот уже беглый гладиатор громит непобедимые доселе легионы Рима, дипломированный врач становится самым известным в истории человечества революционером, а неудачливый художник – сначала ефрейтором, а потом и фюрером Германии.

Конечно, можно было бы привести в пример и других выдающихся деятелей, ничуть не менее известных или более достойных, но я выбрал именно этих троих неслучайно. Каждый из них достиг того, чего достиг, и навсегда остался в памяти потомков потому, что был вождем. Лидером.

«Лидер» в переводе с английского языка означает «ведущий», «указывающий путь». Именно это качество приходит на ум первым, когда мы говорим о политическом, военном, общественном деятеле, способном управлять другими людьми, побуждать их к действиям и брать на себя ответ-

ственность за эти действия. Способном словом и делом за-
жечь других и повести за собой. Сформировать их мировоз-
зрение или изменить уже существующее, подарить им цель
в жизни, заставив ради нее претерпевать лишения и боль.
Пытать и предавать. Без колебаний убивать и отдавать соб-
ственную жизнь.

Феномен лидерства берет начало в самой биологической
природе человека. Среди любых животных, ведущих коллек-
тивный образ жизни, всегда есть вожак – наиболее сильная,
достаточно умная, упорная и решительная особь, руководя-
щая стадом или стаей в соответствии с генетическими зако-
нами. И главный из них – обеспечение выживания, безопас-
ности, сохранения вида. Разумеется, человеческое общество
представляет собой гораздо более сложную систему. Его са-
моорганизация и развитие не могут (да и не должны) осно-
вываться только и исключительно на инстинктах. Четкость
выделения позиции лидера, степень его власти и влияния на
прочих членов социума будет зависеть от степени взаимной
зависимости членов группы друг от друга и взаимоотноше-
ний группы в целом с окружающей средой. И чем ниже та-
кая зависимость, чем обособленнее и автономнее отдельные
люди, чем безопаснее среда их обитания, тем слабее (вплоть
до полного отсутствия) могут быть выражены функции лиде-
ра. В нем просто не осуществляется потребности. Зато когда
необходимы совместные действия, когда стоит задача, труд-
новыполнимая или невозможная для одиночки, когда тяже-

ло и опасно... вот тут-то в дело и вступает он. Лидер.

В книге Игоря Осипова вы найдете много лидеров. Совершенно разных по функциям, возрасту, профессиям. Каждый из них, что бы он ни делал, влияет своими поступками, мыслями, суждениями на тех, кто доверяет ему. Любит его. Выполняет его приказы – из чувства долга, из страха, из целесообразности. Именно лидерские качества немногих помогают жителям постъядерного Смоленска не пасть духом. Пережить наиболее страшные первые годы после Катастрофы. Наладить быт. Организовать общество. Соблюдать установленные в нем законы. Принять очень тяжелое, непростое для многих решение. Не бросать попавших в беду. Доводить дело до конца. Все это так. И вместе с тем, выжить в две тысячи тридцать третьем году можно только сообща. Каким бы сильным, волевым, талантливым, харизматичным ни был одиночка, только объединив усилия ради достижения общей цели с другими, он имеет шанс.

И не столь уж важно, лидер ли он.

Куда важнее, насколько он человек.

Впрочем, это было важно – и будет важно – всегда.

Пролог

Копошение этих мелких людишек внизу успокаивало его. Кто он для них – вождь, жрец? Двадцать лет жизни отдано племени с тех пор, как он попал в эти подземелья. Кем он был тогда – одним из оборванных, уставших, израненных, голодных, испуганных? Все пришлось начинать сначала. Карбкаться вверх по телам, по трупам, как в прямом, так и в переносном смысле. Почему он выжил, когда другие умирали от болезней, радиации, драк из-за кусочка крысы, глотка чистой воды? Он не знал ответа на этот вопрос. Судьба... или нет, знал – он очень хотел жить, сильнее, чем другие. И теперь в племени нет никого, кто помнил бы ту, другую жизнь на поверхности. Выросло новое поколение, слабое, мелкорослое, идеально приспособленное для этих узких ходов и лазов и впитавшее в себя ненависть своего вождя. Теперь он на вершине. Он был велик и огромен, а под ногами люди, которые пытаются угадать все его желания... идут на смерть по одному взгляду. Он для них Бог! Хотя почему только для них? Он властвует над судьбами, решает, кому жить, кому умереть, – значит, он Бог. Пока только здесь... в этом подземелье... но это только пока...

Тщедушный старик расправил костлявые плечи. Ажурная металлическая стрела возносила его трон над всем вверх, откуда он... смотрел? Нет, взирал на свои владения! И эта кар-

тина не утомляла его, напротив, придавала сил. Божественных сил.

Но не всегда... Серые бетонные стены с множеством проходов, закопченный купол, огромный бассейн, закрытый тяжелой решеткой далеко внизу. Да, дворец не под стать его великой личности. Вокруг суетятся слуги, заглядывая владыке в глаза, но почему же нет удовлетворения у него в душе? Ведь он никогда не был так возвышен, ни во времена до катастрофы, ни в тот момент, когда создавал свое царство. Каждый раз он падал ниже, чем был до этого... раз за разом. И снова возвышался и достигал чего-то, в его понимании, совершенного. Это требовало много времени и всех душевных сил. Потребовало всего его умения влиять, убеждать, плести интриги, а еще невероятного везения, которое сопровождало его на протяжении всей жизни. Результат достигнут, а удовлетворения нет. Почему? Что же гложет его? Слуги с подобострастием заглядывают в глаза и не понимают его недовольства. Один из них подошел, низко склонил голову перед стопами владыки и тут же получил удар божественной ноги от раздраженного хозяина.

Не давала покоя «Великому» обида, нанесенная в незапамятные времена. Все эти двадцать лет он лелеял ее, взращивал, окучивал и нежно берег в своем сердце. Мечь! Это то, ради чего он выжил. То, ради чего жил. То, ради чего снова рвался к власти! То, ради чего стал Богом! Но одна мысль, что он сделает нечто значимое, пускай и страшное, добавля-

ла ему настроения. Он ненавидел всех их... кого? Да всех! Всех, кто живет наверху, откуда его изгнали. Всех без исключения! Да и этих ползающих у его ног тоже ненавидел, да и себя самого, если разобраться. Себя больше всего. Как он опустил так низко, до этой клоаки? Правда, если рассуждать здраво, то, что его сюда привело, – это лишь превратности судьбы. Они даны только для того, чтобы еще больше возвыситься. Это только его везучесть. Он баловень этой особы, она принадлежит ему, она – часть его личности. Он жив, он велик, ему поклоняются.

Бог должен не только вершить судьбы, но и творить. Вот он и сотворил свой народ. Владыка «вырастил» и воспитал его в готовности к большой битве ради мести, ради того, чтобы сердце старика успокоилось, когда он увидит поверженных врагов. Нет, этого будет мало – он хотел бы сам, лично, вырвать их сердца. И даже это не остудит пожар, он еще не придумал достойной кары своим недругам.

Старик подозвал жестом к себе отброшенного ранее в порыве необузданного гнева слугу и снисходительно погладил по лысой голове, вызвав у того подобострастную улыбку и слезы радости, – владыка снизошел до раба своего...

Часть первая

Караван

Глава 1

Дом, милый дом

Лес. Как эта картина отличается от той, что он помнил. Парадоксально, но лес – единственное, что сохранилось в памяти Максимыча из той жизни. Яркое впечатление из детства: отец, играющий с ним в мяч, бабочки и мухи, выжидающие среди высокой зеленой травы, и кот Дашик, замерший в охотничьем экстазе. Остальные детские воспоминания были связаны только с бесконечным лабиринтом подземелий бункера, где и протекала вся последующая жизнь. Он не помнил, как попал туда, – не помнил того дня, когда... Вначале он считал, что люди всегда жили именно так, а память о ласковой лесной полянке воспринимал как детскую фантазию или приятный сон. Это уже потом, когда он пошел в устроенную взрослыми школу, ему рассказали о светлом мире до катастрофы... Нет уже Дашика, только его потомки расселились по всему огромному подземелью. Нет зеленой травы, а вместо безобидных насекомых смертоносным роем носятся членистоногие «пираньи», пожирающие все на своем пути.

Максимыч замер и тревожно огляделся. Не буди лихо, пока оно тихо. Страшный и странный мир. В одну секунду охотник может превратиться в добычу, тем самым давая шанс жертве. И трудно понять, кто ты в данный момент – охотник или уже добыча.

Он почувствовал погоню на перекрестке возле ледового дворца. Сильно зачесался затылок, будто ремни маски респиратора перекошились и нестерпимо давят в одну точку черепа. Сталкер знал это чувство – упершийся тебе в спину взгляд хищника, пробуравливающий насквозь, словно оценивающий, достойна ли эта тушка ходячего мяса того, чтобы потратить энергию для охоты. Не было смысла озираться и искать эти колючие глаза. Как ни вглядывайся, волколак не покажется, пока не будет полностью уверен, что добыча ему по зубам. Осторожная тварь. Осторожная и коварная. Максимыч внимательно оглядел руины многоэтажки – нет, там его не окажется, слишком высоко для прыжка и большой открытый участок. Человек скинул автомат с плеча и шагнул ближе к центру свободной площадки, и тут же со стороны остатков закругленной крыши ледового дворца послышался глухой недовольный рык.

– Вот где ты себе дом завел... какой ты, оказывается, любитель холода и просторов. – Максимыч направил автомат на заплетенные лианами стены и медленно, не спуская с них взгляда, попятился к сваленным в кучу бетонным панелям. Обидно, дошел без приключений от самого Кривича, а те-

перь придется задерживаться, да еще и тратить драгоценные патроны, когда до дома осталось не более часа спокойной ходьбы. Темная тень мелькнула метрах в двадцати и растворилась среди причудливо скрюченных деревьев. «Здоровая псина, почти полтора метра в холке. Полосатый окрас, на манер тигрового, полностью скрывает его в джунглях города. Голова, как у наших телят, а глаза... не глупые и наивные, а внимательно изучающие и оценивающие, готовые в одно мгновение превратиться в пару демонических огней».

– Что ж мне с тобой делать? – Максимыч прикинул возможные пути отступления. Напрямик не выйдет – и ойкнуть не успеешь, как почувствуешь клыки на загривке. Закон природы – бежит, значит, добыча. Нет, браток, тут ты не угадал, дорого тебе эта добыча достанется, если вообще достанется, конечно. Повесив автомат на шею, достав из ножен за спиной и поудобнее перехватив отцовский тесак, который тот почему-то называл смешным и непонятым словом вакидзаси, громко завывая на манер атакующего летающего ящера, чтобы смутить противника, Максимыч кинулся прямо туда, где только что промелькнуло тело хищника. Узкое, но острое, как бритва, лезвие с легкостью рассекало перегораживающие путь тонкие стволы лиан, а наградой сталкеру был скулеж волколака, улепетывающего с дороги «ужасного» врага. Не останавливаясь и не снижая скорости, Максимыч повернул в сторону бункера. Метров двести—триста он выиграл, но не больше, и второй раз такой трюк

не пройдет. Зверь осторожен, но не глуп. Надо использовать с умом отвоеванную фору. Максимыч еще ни разу не слышал, чтобы волколак, пускай, судя по повадкам, и неопытный, отказался от охоты. Надо что-то придумать, не тащить же за собой этого людоеда в окрестности бункера. Хотя отсюда до него не больше пары километров, сам найдет. В этот момент на плечо прорезиненного комбинезона, раскрашенного в защитные цвета, уселся термит. Пятисантиметровая букашка, сложив крылья, заинтересовано уставилась на разноцветный «листочек», пахнущий резиной, даже «попробовала его на зуб», противно заскрежетав хитиновыми жвалами по металлической застежке. Только этого не хватало! Если это разведчик, то где-то здесь должен быть и термитник. Стараясь не привлекать лишнего внимания, а тем более не раздавить насекомое, Максимыч осторожно повернул голову назад. Вот он, красавец. Мимо прошел и не заметил – похож на старый гриб в рост человека. Термит покрутился на месте и, оценив объект посадки как несъедобный, громко жужжа, полетел к своему «дому». И слава богу: если раздавить такого – запах мертвого собрата привлечет весь рой, и тогда не спасет ни костюм, ни химия, лежащая в рюкзаке, ни оружие. Стараясь ступать как можно медленнее и тише, сталкер удалился от гигантского «сморчка» и, кинув последний, уже «прощальный» взгляд на термитник, вперился в глаза волколака.

Зверь окончательно осмелел и, прижавшись к земле, под-

крадывался, не спуская взора с человека, но, встретив взгляд Максимыча, замер с поднятой передней лапой, как раз поравнявшись с термитником. Тут-то хищник и допустил непростительную ошибку. Уже улетающий термит-разведчик сделал крюк, чтобы обследовать новый объект, появившийся в поле зрения. Волколак, на секунду отвлекшись, резким движением мощных челюстей раздавил надоедливое насекомое, кружащееся перед его черным блестящим носом. В тот же миг «сморчок» загудел, как перегруженный трансформатор. Из множества его пор вылетела туча сородичей погибшего. Крутящийся и завывающий от боли и ужаса комок шерсти катался по полянке. Облепленный термитами, залезающими ему в нос, рот, уши, волколак отчаянно отбивался от вгрызающихся в его тело насекомых, но они кусали, впрыскивая в кровь смертельный яд. Постепенно движения его стали скованными, и, наконец, зверь рухнул на землю, полностью покрытый тысячами насекомых, продолжающими пожирать тело поверженного врага. С начала атаки не прошло и пары минут, а плоть пса исчезала в утробах прожорливого роя прямо на глазах.

Все это время Максимыч стоял неподалеку, боясь шелохнуться, чтобы не привлечь внимание этих «пираний». Конечно, он и раньше находил следы пиршества термитов, но чтобы быть приглашенным на обед... Сталкер еле сдерживал себя, чтобы не ломануться, не разбирая дороги, через заросли, но одинокие насекомые ползали по земле, и, стоит раз-

давить хоть одного, вся это стая накинется на десерт. Перспектива стать десертом не радовала, и Максимыч терпел, игнорируя особо наглых термитов, исследующих его сапог.

Насытившийся рой постепенно втянулся в свой термитник, оставив после себя добела обглоданный скелет волколака, а Максимыч еще несколько минут внимательно рассматривал землю, пока не решился осторожно удалиться от места трапезы.

Почти дома – вон впереди показался оплетенный вьюнами и лианами, когда-то ярко-рыжий, а сейчас поблекший и проржавевший трамвай. Значит, до входа в убежище осталось немного. Это уже территория обитания людей. Крупные хищники сюда не заходят. Но, вспомнив встречу с юным волколаком, облюбовавшим себе охотничьи уголья рядом с человеческим жилищем, Максимыч не стал бы утверждать это так уверенно. Пришел один, придут и другие. Теряет город свои границы – природа отвоевывает обратно исконные территории. Теперь этот разросшийся парк, захвативший в свои сети все окружающие его дворы, уже называется лесом. Раньше здесь жили люди, а теперь руины домов лишь смутно угадываются среди исковерканных стволов, да едва видны остовы автомобилей, совсем скрытые под лианами и вьюнком.

Максимыч подтянул на плечах лямки увесистого рюкзака, смахнул грязь с прицельной рамки старого автомата и размеренным шагом направился в сторону уже выступающих из-за

деревьев руин Измерителя. Как бы ни хотелось, но быстрее нельзя. Внимание притупляется перед самым порогом дома: тут-то тебя и сцапает какой-нибудь наглый юный ящер, еще не познавший силу огнестрельного оружия.

Отец всегда ворчал перед его выходами на поверхность, но ничего поделать с этим не мог. Максимыч был лучшим сталкером. Ну, если не лучшим, то, по крайней мере, самым везучим – это точно. И если он не справится с задачей, то кто тогда – постаревший Александр Латышев? Он, конечно, большинству молодых до сих пор может дать сто очков форы, но на дальние переходы его уже не хватает – сказывается старое ранение, да и дозу он получил в первые годы немалую. В конце концов, ему уже сорок... или около этого. Давно пора на пенсию. За то, сколько сделал «старик» и скольких воспитал, Сенат пожизненно должен кормить его от пуза и поить до икоты, и то вряд ли расплатится. Максимыч улыбнулся, вспомнив про наставника. Друг отца был, наверное, вторым родителем, а если вспомнить, сколько раз он вытаскивал молодую неразумную голову Максимыча из лап смерти, то и первым. Уж Максимыч точно будет его кормить и поить и отдаст последнюю рубашку, если даже все убежище от него отвернется. В конце концов, двадцать пять лет – это зрелый возраст для сталкера, и никто ему не указ, чем заниматься, даже отец, пускай он и член Сената объединенных убежищ. Хотя батя сам за своего друга Сашку порвет любого, несмотря на то, что доктор. Наставник ему как младший брат, с пер-

вых дней сошлись. Столько всего нахлебались вдвоем, что уже и не разберешь, кто кому чего должен, – как одно целое стали. Он и за воспитание малого Максимки взялся, так сказать, по дружбе, и уже потом, скорее, по инерции, стал обучать его всему тому, чему научился на собственной шкуре, чтобы молодой да горячий пацан не набил себе шишек. Ибо ошибки в этом мире оплачиваются по высшему разряду, и «шишки» могут не то чтобы не успеть зажить, но даже вздуться. Да, когда-то Максимка, или Масик, как его до сих пор зовет мама, теперь для всего убежища «Максими́ч». И это уважительное прозвище не дань почтения отцу, занимающему высокий пост, это его собственная заслуга. Его пот и иногда даже кровь. Его часы и дни, проведенные на поверхности, и неисчислимое количество полезных вещей, найденных и принесенных в бункер.

Когда-то тут была граница жилой зоны и начиналась зеленая полоса, превратившаяся ныне в непроходимое болото. К заводам, точнее тому, что от них осталось, вела одна-единственная дорога – чистое асфальтовое покрытие с двумя полосками блестящих, даже не проржавевших трамвайных рельсов, представляло собой яркий контраст с окружающей разрухой и запустением. Максими́ч очень не любил это место, пересечь его было делом минуты, но он всей кожей ощущал опасность. Даже не потому, что оно было открытым, – пройдя невидимую границу, сталкер испытывал необъяснимый ужас, от которого волосы вставали дыбом. И

хотя за все время, пока существует эта Ведьмина плешь, ни на ней, ни рядом с ней ничего душераздирающего не произошло, все сталкеры старались быстрее ее проскочить. Обойти это место было нельзя – гладкое, словно только что уложенное, дорожное покрытие слева и справа окружено сплошным бульканьем и хлюпаньем, и в своем уме никто не сунется проверять болото на проходимость. Почему дорога чистая? Многие задавались этим вопросом, но разумного объяснения никто не нашел. Радиационный фон на участке приемлемый, не выше, чем в других местах, химического загрязнения тоже не обнаружено, но на протяжении сотни метров простирается ровный серый асфальт и ни одной травинки, а затем – словно прочерченная по линейке граница, за которой буйствует природа, будто хочет отыгаться за свое унижение в виде лысой полосы. Какой-то умник, начитавшийся древних фантастических книжек, предположил, что в этой зоне появился темпоральный пузырь, – время как бы остановилось и законсервировало все в нем находящееся. Народ вначале крутил пальцем, говоря, что, мол, дочитался ты, брат, пошел бы лучше морковку прополол или за телятами убрал, все ж больше пользы, но затем пытливый ум сталкеров нашел способ проверить и эту гипотезу. Латышев, проходя через Ведьмину плешь, как-то оставил там свои механические часы. Тогда еще юный Максимыч, ходивший за ним везде, как тень, очень удивился и даже высказал предположение, что вряд ли наставник их после этого увидит. На что Сан Саныч

просто отмахнулся. На обратном пути они подобрали сиротливо лежащий прямо посреди дороги прибор и с удивлением обнаружили, что за три часа отсутствия владельца стрелка сдвинулась лишь на несколько секунд. Но в любом случае факт замедления времени на этом участке не объяснял того, почему так хочется, выпучив глаза, бежать без оглядки и забиться в первый попавшийся схрон. Охарактеризовав показания прибора емкой научной фразой: «Хрень какая-то!», Саныч выдал практическое заключение, что раз плешь не опасна, значит, и не фиг на нее время тратить. На этом научные изыскания завершились, а умника действительно отправили на сельхозработы, чтобы он своими гипотезами смущал только неокрепшие телячьи умы.

Быстро пробежав по чистому асфальту, а затем осторожно пробравшись по заросшей дороге, парень, наконец, выбрался на перекресток. Подмигнув светофору, который, как старый знакомый, выглядывал из переплетений ветвей испанского тополя, выросшего прямо посреди проезжей части, он свернул налево и скрылся среди холмов, в которые превратились руины главного корпуса завода «Измеритель». Миновав эту последнюю преграду, Максимыч очутился в объятиях цивилизации. Мирно и размеренно поскрипывали лопасти ветряков, еле заметный дымок поднимался из вентиляционной шахты над кухонным сектором. Дошел!

Дозорные узнали Максимыча по амуниции и приветственно замахали руками из-за укреплений, огораживающих

территорию бункера. Сталкер поднял автомат. Этот опознавательный жест, появившийся еще во время старой войны, говорил, что к посту подходит человек, не желающий зла поселению. Ворота открылись, пропуская сталкера внутрь. Начальник внешнего дозора Денис Торгачев, добродушно улыбаясь, лично встречал путника у ворот.

– Привет, Максимыч. Как разведка? Вижу, сходил хорошо.

– Здоров, сержант. А ты все наверху... не сидится тебе в бункере.

– Ты ж знаешь, не люблю я подземелий. Мне лучше, где солнышко, птички чтоб... – Сержант обнял «блудного» сталкера.

– Где это ты птичек видел? Меня тут одна возле «Криича» гоняла-гоняла, пока я ей клюв свинцом не начистил. Улетала она крайне недовольная, – Максимыч стянул с лица маску респиратора. – Неужто сюда полетела на меня жаловаться?

– Да нет, бог миловал. Последний раз ящер сюда пару месяцев назад залетал. И то покружил, мы в него пальнули для острастки, так он и полетел себе. А вот волколак недавно заходил... любопытствовал. Наверное, соседей проверял. Новостей не много. Еще один сталкер пропал. Из молодых. Может, знаешь – Лехой звался?

– Помню. Нашли?

– Тут не все понятно. Нашли, что от него осталось, неда-

леко от собора. Волколак подрал, но вот что странно, ни оружия, ни снаряжения при нем не было. Может, конечно, бросил, когда удирал... – Денис пожал плечами.

– Нашел все-таки... – Максимыч сокрушенно покачал головой. Он помнил этого молодого улыбчивого парня. – Ну, не волнуйтесь, больше никого не задерет... термиты его смячили, тут недалеко, – Максимыч стянул с плеч тяжелый рюкзак.

– Термиты? Один сосед краше другого, – Денис сокрушенно покачал головой. – Ладно, Максимыч, потом расскажешь. Ты нам, когда по радиии сообщил про бункер под «Кривичем», тут такая движуха началась. Сенат собрался – только тебя и ждут. Иди вниз, отец уже пару раз поднимался, спрашивал про тебя – волнуется.

– На то они и родители, чтобы волноваться, – прощально махнув сержанту, сталкер направился к внешним дверям убежища. Спустившись по ступенькам, он трижды стукнул по внутренним гермоворотам и отошел на шаг, дождавшись, пока тяжелая створка отворилась, пропуская его в человеческий мир. И тут же попал в объятия двух человек: отца и Саныча.

– Тихо, сладкая парочка, раздавите... да отстаньте, я еще комбез не снял, оружие не сдал, – слабо сопротивляясь, пытался он вылезти из объятий двух бугаев.

Латышев отпустил воспитанника и по-медвежьи ткнул в плечо кулаком.

– Ты нам еще лекцию о безопасности прочти. Видал, Максим, яйца курицу учат. А ведь совсем недавно мозоли на языке набивал, вдалбливая в него эти знания.

Отец отпустил сына и добродушно улыбнулся.

– Ладно, иди, сдавайся, мы потерпим. Но только недолго. И готовься, тебе еще мать порцию своей любви выпишет.

Потирая ноющие от выражения родственной любви бока и глупо улыбаясь своим мыслям, Максимыч направился в оружейку. «Кладовщик» Никита ловко подхватил крюком своего протеза ремень автомата и вставил оружие в ячейку шкафа, после чего вопрошающе уставился на рюкзак.

– Не-не, это для Сената – образцы товара.

– А химия, дозиметр? – Никита не собирался отступать. Подотчетная снаряга «висела» на нем, в этом он был занудлив и щепетилен до крайности. Но, скорее всего, не праздное любопытство его разбирало и не любовь к порядку вдруг охватила.

– Никит, ты ж меня знаешь. Разгрузись, все занесу. У меня, как в сейфе. – Максимыч вручил кладовщику разгрузку и сложенный костюм, затем сгреб торбу. – Не обижайся, не могу пока тебе показать.

Тот обидчиво поджал губы, но промолчал. Всем было известно, что Никита нелегально приторговывал вещами с поверхности. Что греха таить, Максимыч сам приносил ему некоторые вещи на реализацию, но сейчас не тот случай. Обнаружен обитаемый бункер, даже Сенат собрали, какой уж

тут черный рынок?

За дверью оружейки его ждала почти половина Сената. Возле отца и Саныча, вальяжно опираясь на стену, стоял огромный Еремин, а рядом, как каменная стена, перегораживал своими широченными плечами весь проход «главком» Васильев.

– Ого! А чего такой почет? Практически весь генштаб в полном составе – союз с «Кривичем» очень важен?

– Да уж, что скрывать, заждались. Идем в комнату заседаний, остальные уже там. – Еремин оторвался от стены и первым свернул в переход, ведущий в основное убежище.

– Когда великие решают наши судьбы, маленьким людям лучше не вмешиваться. – Саныч еще раз ткнул в плечо воспитанника и дипломатично ретировался.

Отец обнял сына, и они вдвоем вошли в коридор, соединяющий два убежища. Короткий проход, выложенный кирпичом и бетонными блоками, вывел их в широкий поперечный туннель, уводящий куда-то далеко на юг, а напротив открывался новый, похожий на предыдущий, как брат-близнец. Остановившись на «перекрестке», Максимыч окинул взглядом освещенный туннель. Вот она – дорога жизни выжившего человечества, теперь соединяющая несколько убежищ бывшего промышленного комплекса города в одно государство. На севере туннель, заблокированный обвалом, был превращен в огромную животноводческую ферму. Со всех ближайших к городу уцелевших деревень давным-дав-

но привезли, привели или даже принесли на руках всю уцелевшую живность. Выходили, вырастили, и она, в благодарность за многие годы, расплодилась. Скотина и участки для посевов в бывших цехах стали основным сельскохозяйственным богатством бункера.

Глава 2

Сенат

Зал Сената отличался аскетическим убранством. В просторном помещении полукругом стояли сколоченные из досок скамейки, оставляя открытым пространство по центру. Такое расположение не давало ни одному члену собрания никаких преимуществ, а выступающий размещался в центре импровизированного цирка, за небольшим столом. Это было удобно, так как можно разложить бумаги или что-то продемонстрировать. Члены Сената объединенных убежищ выбирались путем прямого голосования, исходя из количества проживающих в том или ином бункере. Всего жилых бункеров было четыре. Самый большой, представленный пятью делегатами, – бункер «Измерителя»; трех человек избрали от бункера гидроэлектростанции, за которым укрепилось название «Тэцовский». Двое было от бункера завода «Радиодеталей» – его пустующее помещение восстановили после пожара, а затем заселяли, в основном, выжившими после катастрофы людьми, найденными на поверхности. И последний, самый малочисленный – бункер «Кристалла», – представлял один человек. Все члены Сената имели право голоса, решения принимались прямым открытым голосованием. Несколько старомодное республиканское правление позволяло избегать ненужных трений в государстве. Все понима-

ли, что в одиночку никакое убежище не выживет, поэтому суверенитета никто и не просил. В одном – «Измерителе» – сплотились основные людские ресурсы, сельскохозяйственная и промышленная база. В другом – ТЭЦ – основные источники энергии. В бункере «Радиодеталей» были оборудованы цеха легкой промышленности, производившие одежду, обувь и предметы ежедневного обихода. Ну, а «Кристалл», изначально служивший базой вневедомственной охраны завода, был оплотом военной мощи нового государства. В нем находились основные склады боеприпасов и оружия, а также проживал личный состав вооруженных сил Объединенных убежищ. Разделение функций служило залогом крепости союза.

Долгое время между убежищами сохранялись бартерные торговые отношения, что осложняло расчеты. В конце концов, Иван Завьялов, вспомнив, что он когда-то получил высшее экономическое образование, предложил не изобретать велосипед, а ввести в обращение денежную валюту. Для этого сталкерами была собрана огромная масса монет различного номинала. Бумажными банкнотами решили не пользоваться ввиду их недолговечности. Так как экономика создавалась с нуля, стоимость монет значительно повысилась. Денежную массу тщательно пересчитали и разделили между всеми бункерами согласно количеству проживающих граждан. Конечно, существовал риск появления новых монет, но Сенат здраво рассудил, что их масса будет несущественной

и пагубного влияния на экономику объединенных убежищ не окажет. Денежный оборот существенно облегчил расчеты между людьми, стали процветать частная торговля и мелкий бизнес. Цены на товары и услуги установились очень быстро, в зависимости от спроса. Всем «государевым людям» выплачивали заработную плату, согласно выполненным работам или занимаемой должности. За двадцать лет новая система набрала силу и стала процветать почти как государства в старые времена.

Максимыч остановился в дверях зала заседаний, разволновавшись, как девица, перед рассевающимися на своих местах Сенаторами. Отец тихонько подтолкнул его к столу, шепнув: «Тебе туда... не дрейфь», а сам прошел на свободное место. Одиннадцать сильных мира сего внимательно смотрели на молодого сталкера. Правда, он всех знал: пятерых – в лицо, а остальных – очень близко. Убежища, несмотря на их удаленность друг от друга, все равно были довольно тесной «деревней». Васильев и Еремин были частыми гостями его дома. И иногда Максиму казалось, что эти два бугая всегда были рядом, что и определило в последующем его выбор военной службы. Сергей Трофимов появлялся редко, так как проживал в убежище ТЭЦ, но при случае всегда заходил пообщаться с отцом Максимыча. Кристина Сергеевна, будучи подругой матери, вообще считала своей обязанностью воспитывать парня при каждом удобном случае, несмотря на то, что тот давно вышел из возраста, когда это воспитание могло

принести какие-нибудь положительные результаты. Последним из знакомых был Иван Завьялов – отец Кати и Димки, с которыми Максимыч играл в детстве. Вечно угрюмый, молчаливый, весь в делах. Иван ему никогда не нравился, хотя ничего плохого о нем Максимыч сказать не мог.

Отдельно хотелось бы рассказать об еще одной незаурядной личности, присутствующей в Сенате. Формально он в этот орган власти не входил, но присутствовал на всех заседаниях и считал нужным вмешиваться, если, по его мнению, Сенат переходил ту неписаную границу морали, которая отделяет праведного человека от полного нехристя. Когда-то, еще в первый год, он неожиданно появился с братьями и группой детей среди руин завода, порядком напугав дозорных. Еще не стерлись из памяти боевые действия с ЧОПовцами, и новая многочисленная группа, медленно ползущая в метели по сугробам, не предвещала ничего хорошего. Когда выяснилось, что это священнослужители и дети из православной гимназии, спасшиеся в подвалах Успенского собора, их приютили. Именно они стали первыми жителями сгоревшего убежища под заводом «Радиодеталей». Там же и соорудили сначала молельную комнату, а потом и небольшую часовенку, ставшую впоследствии духовным прибежищем для всех выживших.

«Вот попал – страшнее, чем с волколаком нос к носу столкнуться». Собравшись с духом, Максимыч выставил на стол свой походный рюкзак и, расстегнув его, стал доста-

вать из его утробы образцы, врученные ему главой Кривича. На столешнице оказались: пачка соли, довоенные консервы, разнообразные крупы, лекарства, одежда и рулон материи. Закончив с демонстрацией товара, Максимыч скинул полупустой рюкзак со стола и прокашлялся.

– Сенаторы! Я не мастер говорить, поэтому прошу простить меня, если что не так скажу. Во время разведки территорий в районе Киселевского рынка мною обнаружен обитаемый бункер под руинами торгового центра, известного как «Кривич». Хочу сразу пояснить – убежище принадлежит, по сути, одной семье, и решение принимает глава семьи, все остальные жители ему подчиняются. Живут там двадцать три человека, это как мне сказали, но сами понимаете, истинное число от меня могли скрыть: завесить его или занизить. Главой этой семьи или клана, как вам будет угодно, является Юрий Лысенко. Поэтому все вопросы нужно задавать именно ему. Лысенко заинтересован в приобретении производимых у нас оружия, боеприпасов, дозиметров. А также желает заказать у нас ветрогенератор. За все это он согласен расплатиться. Список приложен к образцам товара.

– А откуда у него этот товар? – Голос подала Кристина Сергеевна, статная брюнетка лет сорока. Насколько знал Максимыч, подруга матери курировала сельское хозяйство на «Измерителе».

Сталкер повернулся к женщине:

– «Кривич» – это убежище под руинами торгового цен-

тра рядом с остатками Киселевского рынка, вы, наверное, это должны знать. – Женщина кивнула, подтверждая, что ей эта информация известна. – Так вот, жители бункера стали полноправными хозяевами всего, что находилось на этом рынке. А это не только торговые палатки, но и склады. Весь товар оттуда. Сразу предвосхищу вопрос – на самом рынке уже ничего не осталось, все перенесено в подземелья «Кривича», – Максимыч улыбнулся и перевел взгляд на отца. Изотов-старший пошептался с Ереминым, после чего, посмотрев на сына, ободряюще ему кивнул, а Алексей Еремин, подняв руку и обратив всеобщее внимание на себя, произнес:

– Максим Максимович, – официальное обращение по имени-отчеству настолько было в диковинку, что заулыбались почти все Сенаторы. – Меня интересует ваше впечатление об этом Юрии Лысенко. Что за человек? Вы же понимаете, это наш возможный будущий партнер.

Максимыч, зардевшись, устоял на выложенный на столе товар.

– Ну, что за человек... Нормальный такой, крепкий дедок. Лет шестьдесят ему. Но с головой у него все в порядке. Бункер он «держит в кулаке». Такой царь... типичный. Я, правда, царей не видел, но из того, что в книжках читал, такими их и представлял. Но за то время, пока я там был, недовольных не видел. Все его уважают и первенство его признают, – Максимыч пожал плечами, не зная, что еще можно добавить к сказанному.

Еремин кивнул:

– Спасибо вам, Максим Максимович, за предоставленную информацию. Конечно, жалко, что малая мощность радиостанции не позволила связаться с нами прямо из бункера, можно было бы решить многие вопросы сразу на месте. Мы вас больше не задерживаем.

Максимыч потоптался еще с минуту, соображая, забрать образцы товара и рюкзак сразу или потом уже... но затем пришел к компромиссному решению – нагнувшись, сгреб свою торбу из-под стола за лямки, оставив товар, и с чувством облегчения вышел из зала заседаний.

Первым слово взял Васильев. Он вышел в середину комнаты к столу, окинул недовольным взглядом образцы и без предисловия, сразу начал высказывать свое мнение.

– Сенаторы, я категорически против торговых отношений с Лысенко, пока мы не узнаем людей, с которыми собираемся вести диалог. Мне не нравится деспотичный режим, царящий там, мне не нравится удаленность и труднодоступность убежища. Контакты потребуют значительных сил и средств. – Васильев, как руководитель вооруженных сил объединенных убежищ, опасался не зря. Он понимал, что основная нагрузка по сопровождению караванов ляжет на его людей, и это ослабит оборону периметра. Еще раз посмотрев на Сенаторов, Виктор Васильев уселся на свое место.

Следующим на место риторики вышел Максим Изотов-старший.

– Господа, я во многом согласен с уважаемым главнокомандующим. Да, если мы придем к выводу, что нам нужны отношения с Лысенко, то нам придется пересмотреть многие наши взгляды и правила. Но я хотел бы коснуться другого вопроса. Нужна ли нам вообще торговля с ними? Судя по представленным образцам, им практически нечем нас удивить... кроме соли. Соль – это стратегический товар, очень нужный нам для консервации. Это решило бы вопрос сохранения продуктов. И еще я хотел бы коснуться личности правителя Кривича. Царь царю рознь. И я согласен, что, пока мы не оценим ситуацию в этом убежище, каких-либо серьезных торгово-политических отношений быть не должно. Но начинать с чего-то надо, поэтому пробный караван нужен. Спасибо, – Изотов прошел на свое место.

Завьялов не стал выходить. Наверное, с его стороны это был своеобразный демарш. Как главный экономист государства, он опасался за целостность своего детища.

– Я тоже против, – произнес он прямо со своего места. – Насколько я понял, основное место, где они берут товар, – это рынок. А, простите, базар – это место, где грудями лежат никому не нужные деньги. И поверьте мне, если они узнают о нашем экономическом устройстве, монеты посыплются на нас как из рога изобилия. Деньги обесценятся, и мы получим инфляцию. Кто-нибудь помнит суть этого явления? Боюсь, что неожиданное большое вливание в оборот новой денежной массы подорвет нашу неустоявшуюся экономику. Надо

от них держаться подальше. И чем дальше, тем лучше, – он, насупившись, с вызовом посмотрел на Изотова.

Еремин поднялся во весь свой богатырский рост. Несмотря на свои пятьдесят лет, он был в прекрасной физической форме. Являясь главой самого большого убежища в объединении, он брал на себя роль председателя.

– Есть у кого что добавить? – он посмотрел на сидящего в уголке отца Игната, который умиротворенно взирал на спорящих, но сам за это время не проронил ни слова. – Я подведу итог и выскажу свое мнение. Выслушав вас, я решил, что караван посылать надо: чтобы прощупать почву в «Кривиче», чтобы выторговать соль, чтобы предотвратить поступление новых денег. Ну, и для того, чтобы расширять наше экономическое влияние. Поэтому предлагаю следующее: собрать караван, предоставить им то, что они просят, а взамен просить соль и все монеты, какие они смогут собрать. Надо придумать что-нибудь убедительное. Например, что нам нужен именно этот сплав для генераторов, которые мы для них же и будем делать. В общем, это надо обдумать. Предлагаю голосовать. Кто за открытие торговли с «Кривичем»?

Руки подняли восемь членов Сената.

– Против?

Руки подняли Васильев и Завьялов.

– Воздержался?

Поднялась рука Кристины Сергеевны.

– Решение принято. Мы посылаем караван в дальнейшее убе-

жище. Прошу ответственных разработать план, подготовить товар и людей для сопровождения.

* * *

Максимыч, выйдя из зала заседаний, некоторое время еще постоял под дверью, вводя в смущение стражников, которые замерли, как статуи, охраняя вход. Больно уж хотелось узнать, к какому решению придут Сенаторы. Да и куда ему идти – назад к Никите, сдавать снарягу? Перетопчется – в следующий раз сдаст. Была еще одна причина, по которой сталкер не хотел показывать содержимое рюкзака. Ухмыльнувшись пришедшим в голову мыслям, Максимыч решительным шагом направился в сторону жилого сектора.

Длинный коридор вел мимо просторных помещений, бывших ранее цехами подземного завода. Из трех огромных производственных помещений со станками использовалось по прямому назначению лишь одно. Обслуживание механизмов жизнедеятельности всех убежищ и гидро– и ветрогенераторов требовало постоянного изготовления запасных деталей, замены электроники. Кроме всего прочего, было налажено изготовление огнестрельного оружия и боеприпасов. Два других зала были превращены в обширные поля, точнее, в длинные грядки, где постоянно трудилась основная масса жителей «Измерителя», обеспечивая всех граждан содружества бесперебойным питанием. На нужды полей шла льви-

ная доля энергии, даваемая гидроэлектростанцией. Это было самое освещенное место, и с непривычки у многих подземных жителей слезились глаза. Приходилось работать в солнечных очках. Такого света не было сейчас даже на поверхности, и поэтому, проходя мимо, Максимыч жмурился, прикрывая ладонью глаза.

Жилая зона появилась, как всегда, неожиданно. Очередной поворот бесконечного коридора – и сталкер сразу очутился в хаотичной круговерти разговоров и запахов среди множества снующих по делу и без дела людей. Вокруг бегало немало и детишек, добавляя ещё большей неразберихи. Приветственно кивая всем, Максимыч пробрался сквозь этот хаос к двери лазарета.

– Ой, Максимка вернулся! – девичий вскрик сопровождался радостным визгом с двух сторон, совершенно оглушившим сталкера. Посмотрев на близняшек Алинку и Иринку, одновременно схвативших его за руки, как будто пытавшихся застолбить свое право на общение, Максимыч улыбнулся.

– Я в следующий раз вас с собой возьму. Вашим визгом можно всех монстров наверху перепугать.

– Да ну тебя, – смущенно зарделась рассудительная Ира. – Все б тебе шутить.

– А я бы пошла, – с детским восторгом произнесла бесшабашная Алинка. – Правда, возьмешь?

– Не-а, не возьму, – Максимыч на секунду задумался, со-

чиния правдоподобную причину. Но, видя разочарование в глазах одной и торжество в глазах другой, с улыбкой произнес: – Животных жалко, – за что сразу же схлопотал два синхронных удара маленькими кулачками с двух сторон по ребрам.

Конечно, Максимыч понимал, что он им нравится. Они ему тоже нравились... очень нравились. Он по ним даже скучал. Беда была в том, что скучал он по обеим сразу. Общаясь с одной, он остро ощущал нехватку другой. Наверное, это потому, что они с самого детства были вместе. Сталкер даже не помнил, когда их детские отношения переросли в полноценные чувства. Это произошло как-то само собой, и осознали они это все втроем, когда изменить уже ничего было нельзя. Пытаясь рассуждать трезво, насколько это возможно в сложившейся ситуации, Максимыч решил пустить все на самотек. Время, мол, рассудит, кривая выгадит, – ну не мог же он, на самом деле, жениться на обеих? Или мог?.. Даже совет дать некому. Отец, услышав о двусмысленной ситуации, просто отмахнулся, мол, разбирайся со своими бабами сам – своих дел невпроворот. Мать же, попытавшись вникнуть в суть проблемы, выслушала расплывчатые объяснения сына, почему одна лучше другой и наоборот, а после сама запуталась и выдала очень дипломатичную фразу. Мол, не думай о любви головой, сердце подскажет, и все такое... но суть ее была примерно такая же, как и у бати. Вот он и разбирался, а поскольку сердце подсказывало, что ему нужны

обе девушки для душевного равновесия, менять Максимыч ничего не стал.

– У меня для вас подарок... В смысле, подарки, – Максимыч, засмуцавшись, полез в рюкзак и вытянул на свет две золотые цепочки с кулонами. Девчонки, как в гипнотическом трансе, замороженно уставились на поблескивающие диковинные фигурки. Алинка не отводила взгляда от рыбины, кажется, дельфинчика, а Иринку было не оторвать от шикарной птицы с длинной шеей, раскинувшей свои крылья. Вот ведь, каждая выбрала именно ту фигурку, которую он и хотел подарить. Поводив перед носом близняшек кулонами, Максимыч получил удовольствие от созерцания полных восторга глаз, после чего торжественно вручил подарки.

Знали бы девчонки, сколько всего пришлось пережить, добывая эти изящные вещички. Присмотрев полуразрушенный ювелирный магазин, сталкер столкнулся в нем нос к клюву с летающим ящером. После чего пришлось поиграть с этой тварью в очень увлекательную игру – догонялки-прятки, результатом которой и был приз – вот эти цепочки с кулонами. А проигравшая сторона обиженно ретировалась, оставляя победителю приглянувшееся для гнезда помещение. Как говорил Саныч: «Что дорого достается, то сильнее всего и ценится». Ради этих восторженных глаз и старался Максимыч, а все остальное: «Кривич», рюкзак с товаром, договор с Лысенко – это все не так уж важно.

Распрощавшись с девчонками, Максимыч скрылся за две-

рю с красным крестом. Именно это место он считал родным. Он, конечно, был один раз с отцом в разрушенной квартире, которую батя нежно называл домом. Однако для парня квартира была просто непригодным для жилья помещением. Не дрогнуло сердце, в общем. Ничего не связано у него с этим местом. Дом у него под землей, в отделанном белым кафелем лазарете. Нет, конечно, не в самом лазарете, а в небольшой комнатке, примыкающей к лечебному учреждению, бывшей когда-то, наверное, ординаторской. Все детство прошло среди бинтов, пробирок, шприцев. По какому-то странному стечению обстоятельств среди двух с половиной тысяч граждан врачей насчитывалось лишь двое, и оба являлись его родителями. Как он не стал их преемником, Максимыч не понимал до сих пор. Не пошло у него учение. Отец, после того как намучился сам и помучил ребенка, так и сказал: «Наверное, природа решила отдохнуть». Но он не жалел – каждому свое. Правда, основы экстренной медицины они в него «вбили». В жизни сталкера эта наука не лишняя.

На звук открываемой двери из жилой комнаты выглянула мать. Ойкнув, она бросила полотенце, которым вытирала руки, и вышла в приемную, где остановился Максимыч. Обняв сына, стройная блондинка, еще не потерявшая былой красоты, провела его домой и, усадив на диванчик, хлопотала над чайником.

– Голодный, небось... Сейчас я чаю сделаю, а потом уже

обед, как раз отец вернется. Как сходил? – она поставила на стол стакан дымящегося ароматного чая, настоящего, последние пакетики которого хранились для особых случаев. В основном народ засушивал траву, которая попала в убежище вместе с семенами культурных растений. Вначале сорняки безбожно выпалывали, но потом, когда остро стал ощущаться дефицит чая, начали культивировать и, засушив, использовать как отвар, заменяющий традиционный напиток. Но возвращение сына из опасного путешествия – это повод не экономить.

– Мам, я не голодный... хотя нет, голодный, – Максимыч улыбнулся. Дома хорошо. Тепло и уютно. Так приятно возвращаться с поверхности, когда есть куда. Есть тот, кто тебя ждет и волнуется за тебя. Вот если бы одна из близняшек хоть немного напоминала бы мать, ни секунды не сомневался бы.

– Ой, как у вас тут вкусно пахнет, то-то я смотрю, народ за дверью носом водит, – отец, как всегда, ворвался неожиданно, как ветер, внося сумятицу в уютную атмосферу, рухнул рядом с сыном на диван, демонстрируя матери, что она состоит в родстве весьма условно. Они действительно были похожи как два клона. Максимыч, которого она по привычке звала Масик, был точной копией отца, точнее, того молодого студента, которого она давно, еще в том мире, полюбила. И вот два ее мужика сидят рядом на диване и смотрят на нее с любовью.

– Ну, что там на заседании решили? – первым не выдержал Максимыч.

– Чего решили? Решили, что первый караван соберем, а там посмотрим. И правильно... надо торговать. Еремин, сказал, что, когда товар соберем – ты караван поведешь.

– Опять он... только пришел, – мать возмущенно взмахнула руками. – Только пришел – и опять...

– Да ладно, мам. Один дошел, а тут в группе. Не волнуйся, будет все хорошо, – Максимыч попробовал успокоить мать, но успеха в этом не достиг. Она по-прежнему стояла руки в боки, обиженно поджав губу.

– Только Лешка появится, я его угощу... Друг, называется, – не могла никак успокоиться она.

– Ладно, Марин, успокойся. Мне это тоже не нравится, но тут интересы государства превыше личных. И потом, он не прямо сейчас уходит, а завтра.

– Как завтра? Почему завтра? Уже завтра? – мать окончательно расстроилась и отвернулась к столу, за которым готовила обед.

Усадив мать за стол, успокаивали ее уже вдвоем.

Глава 3

Город

Легко сказать – завтра. Шесть часов на сон, а после этого сплошная суета и беготня в связи с организацией каравана. На Максимыча как на руководителя экспедиции легла основная нагрузка по подбору людей, снаряжения, вооружения, и до самого выхода ни о каком отдыхе, а тем более милom общении с мамой или близняшками, речи быть не могло. Собраться одному – задача тяжелая, а проконтролировать, чтобы десять подчиненных были готовы к долгому и опасному переходу, – это помножь даже не на десять, а на сто. Надо все проверить и перепроверить. Умудриться найти тонкую грань между «забыть» и «не взять лишнего».

Максимыч метался между оружейкой, кладовой и личным составом. Проверял, перепроверял, инструктировал, вычитывал, откровенно ругался, не стесняясь в выражениях. Хватался за голову от тупости некоторых подчиненных, доставшихся ему в распоряжение, кладовщиков, готовых удавиться из-за лишнего патрона, и начальства, которое хотело использовать весь личный состав как вьючных животных, невзирая на тяжесть перехода и окружающие опасности. Он не привык кого-то вести – всегда ходил один, ну, в крайнем случае, с Санычем, с которым они были как одно целое. Раньше отбивался успешно от всех напарников. А тут сразу десять –

целый вагон, да еще тележка товара в придачу. И все это надо довести из точки «А» в точку «Б», оставить «тележку», забрать другую, да еще и умудриться дотащить этот табор обратно из точки «Б» в точку «А». Куда там тому паровозу из школьной задачи.

Последний смотр перед выходом. Он медленно прошелся мимо десятка бойцов, придирчиво осматривая каждого: пригнанное снаряжение, оружие, средства защиты. Наличие аптечек, запасных обойм или патронов в разгрузках. Максимыч внимательно посмотрел на команду. Из всех двое могли смело назвать себя сталкерами, и еще один только что отстажировался у Латышева – не фонтан, но тоже хлеб. Значит, за троих можно не волноваться, а семеро – крепкие ребята из элитной «банды» Васильева, но такие тюфяки.

– Повторяю в сто сорок седьмой раз. И особо это касается вас, – он указал на «великолепную семерку». – Оружие на предохранитель не ставить, инициативу не проявлять – если что-то увидели быстрее нас, что вряд ли, сказать ближайшему сталкеру. Запомните основное правило: чем красивей зараза, тем дальше от нее надо держаться.

– Как с бабами, – хихикнул какой-то юморист в строю.

– Только баба тебе башку не оторвет и не растворит тебя в кислоте за считанные минуты, пока ты, еще живой, будешь это понимать и орать, захлебываясь в собственной крови и соплях, – Максимыч не оценил шутки. Смех плохой, и науке этой цена – человеческие жизни. Пример, приведенный

командиром, моментом стер ухмылки с лиц. – Лучше я вас сейчас попугаю, чем потом панихиду заказывать.

За его спиной стояло пять туго набитых рюкзаков, в которые начальство распорядилось собрать и упаковать товар. В основном, патроны: к гладкостволу – двенадцатый калибр и девятый – к нарезному. В отдельной торбе аккуратно уложены десяток дозиметров с элементами питания к ним. И целый рюкзак занимали новенькие, в смазке, автоматические карабины – из наиболее удачных копий ПКСК «Кедр», производство которых в небольшом количестве было налажено в цехах подземного завода. Пятеро самых крепких бойцов навьючили тяжеленную поклажу на спины, и бойцы отряда, громко топая по металлической лестнице сапогами и сопя в натянутые намордники респираторов, выдвинулись на поверхность.

Утро встретило отряд духотой и туманом. Это явление в окрестностях убежища не редкость. Максимыч помнил рассказы отца, что до катастрофы соседнего дома на улице было не разглядеть. Был даже случай, что из-за плохой видимости разбился вертолет... или самолет какого-то царя или Сенатора из другого государства. В общем, очень большого человека. Врут, наверное. Что ему тут делать? Ну, а после того, как постоянные холода ядерной зимы сошли на нет и установился, мягко говоря, теплый климат, меняющийся с жаркого на относительно прохладный, но противно душный, эта все скрывающая дымка стала постоянным спутником утренних

побудок. Язык не поворачивался называть теперь эти сезоны «зимой» и «летом». Так и называли, не мудрствуя, – знойный и туманный.

Весь переход по плану должен был занять часов пять-шесть. Ну, если очень повезет, то четыре, поэтому Максимыч выбрал именно эти утренние часы, когда по туману можно было проскочить относительно безопасный, изученный, хоженный-перехоженный участок. А когда тяжелое одеяло облаков приподнимется над городом, они вступят на малоизученную территорию. В этом месте уже расслабляться нельзя. Нужны будут все органы чувств. Как говорит Латышев: «На поверхности нужно все: глаза, уши, нос и... задница, которая иногда чувствует гораздо лучше, чем первые три органа».

Заросшие зеленью руины цехов, между которыми предстояло пройти, встретили их за частоколом ограды ватной тишиной. Низины, как молочные реки, собрали в себя туман и словно сгустили его специально, чтобы отгородить поселение людей, не пропустить то страшное, что живет среди разрушенных домов города. Караван, вытянувшись в линейку, двинулся по протоптанной тропинке в сторону Плещи. Одиннадцать человек шли на расстоянии вытянутой руки, чтобы не терять из виду растворяющийся в туманном мареве силуэт впереди идущего. Пять тяжелых рюкзаков распределены среди самых здоровых парней Васильева. Конечно, обидно чувствовать себя в боевой операции навьючен-

ным мулом, но их задача была тащить рюкзаки и при любом сигнале опасности сесть на корточки, чтобы не попасть под выстрелы своих. Остальные шестеро, включая Максимыча, шли налегке, неся только оружие и снаряжение. Командир выстроил свободных бойцов так, чтобы максимально прикрыть занятых переноской товара людей. Он ответственно относился к безопасности, поклявшись себе несмотря на все трудности довести всех... В доску расшибется, но доведет! В конечном итоге смысл похода в том, чтобы донести товар, а не перестрелять как можно больше разнообразных монстриков, поэтому охрана людей, несущих на себе груз, была приоритетной.

Возглавив цепочку каравана, Максимыч оставил рядом с собой еще одного бывалого сталкера. Как говорится, одна голова – хорошо, а две – вроде уже и не очень красиво, но лишние глаза в авангарде не помешают. Молодого сталкера поставил в центре, наказав ему строго-настрого не расслабляться и не надеяться на старших. Второго бывалого оставил в хвосте, учитывая его опыт, острый глаз и чутье. Хищник, как известно, нападает со спины, отсекая отставших, и на этом рубеже ему нужна была стена, а не человек. Благо, такой человечине у него был. Данилов – ровесник Латышева, прозванный в сталкерских кругах «Данила-мастер». Спокойный, как сытый удав, и огромный, как скала. Надежный, как неприступная крепость, и рассудительный, как гургу. Он тоже, как и Изотов, был одиночкой, не любил боль-

ших и шумных прогулочных компаний, и Максимыч лично подошел к нему. Ожидая отказа наотрез, он уже придумывал доводы и аргументы для уговоров, но Данила, проворчав: «Только из уважения к тебе и Санычу», – сразу согласился участвовать в экспедиции, поставив одно-единственное условие. Мол, пойду сзади – буду за вашим зоопарком со стороны приглядывать. Максимыч был рад-радехонек, что все так чудно сложилось. Только потом, перед самым выходом, когда он рассказывал Латышеву о составе группы, по смущенному покашливанию учителя понял, что это тот его уговорил. Еще парочка здоровяков была вооружена гладкоствольными многозарядными карабинами страшной убойной силы. Ими Максимыч разбавил цепочку нагруженных бойцов, чтобы были на подхвате, если что, и менялись, когда этого потребует ситуация.

Проскочив Ведьмину плешь, Максимыч, объявил на перекрестке пятиминутный привал и уже привычным движением пригладил вставшие от ужаса дыбом волосы на затылке. После чего со скрытым удовольствием посмотрел на бледные лица новичков – с распахнутыми от страха глазами и выступившими на лбу капельками пота. Да, по первости этот участок продирает – будьте-здрасьте. Он никогда не забудет, как его чистило на этом же перекрестке, так что ребята, можно сказать, держатся молодцом. Сам он теперь уже мог относиться к залысине, как к данности, как к чему-то вечному и незыблемому. Пробежал, «памперс сменил» и дальше по-

шел, а Данила, вон, вообще сидит в сторонке, только глазами над маской озорно поблескивает. Чтобы его напугать, одной плечи мало будет.

Пока люди приводили себя, а главное, свои мозги, в порядок, Максимыч стоял на перекрестке, как богатырь на распути. Только булыжника не хватало, как на картине Васнецова. «Прямо пойдешь – по башке получишь, налево – совсем сгинешь, а направо...» – ну, или что-то в этом роде, точно он не помнил.

Короткая дорога теперь была закрыта уютно устроившимся возле ледового дворца термитником. Будь Максимыч один, он выбрал бы путь налево по улице Попова, сокращавший расстояние втрое. Огромное «грязное» пятно, которое вполне проходимо, представляло собой замысловатый лабиринт, который, при определенном навыке и знании местности, один человек мог вполне проскочить, даже не получив сколько-нибудь значимую дозу облучения. Однако с караваном бы Максимыч за эту авантюру не взялся. В поисках поддержки или совета он посмотрел на Данилу, и тот, видя, что командир задумчиво уставился в сторону Киселевки, отрицательно покачал головой.

Выбора не было, значит, придется делать большой крюк по Ломоносова, вокруг парка с озером, а потом уже возвращаться на дорогу, ведущую в нужный район. «Какое там четыре часа – за день бы управиться».

Цепочка людей выстроилась в прежнем порядке и медлен-

но втянулась под полог раскидистых тополей, на узкую темную тропку, в которую превратилась улица. Тепло от земли приподняло покрывало тумана, а тот, будто пытаясь удержаться еще хоть чуть-чуть, цеплялся за ветви деревьев, образовав над головами медленно бредущих по чавкающему мху людей плотное белое одеяло. Вверху, в этом белом непроглядном мире, шла своя жизнь. Постоянно что-то потрескивало, шелестело и стрекотало. Было ощущение, что караван сопровождала целая свита мелких, но любопытных животных, которые не отставали, но боялись показаться на глаза. Новички напряженно переглядывались и косились на этот полог, но, так как бывалые сталкеры не проявляли к этим звукам какого-либо интереса, постепенно успокоились и занялись своим делом – тупо переставлять ноги, смотря, чтобы не зацепиться за какую-нибудь кочку или не угодить в незаметную под листвой и мхом нору.

На протяжении всей улицы никто из хищников не посмел потревожить людей. Здоровая морда волколака высунулась из окна разрушенной пятиэтажки и, оценив, что добыча не по зубам, с глухим ворчанием скрылась в лабиринте комнат. Где-то наверху, невидимый за туманом и густыми ветвями, кричал летающий ящер. «Добычу высматривает где-то на открытых участках улиц, скотина. Но даже такая гурьба народа под защитой древесных крон ему не видна».

Максимыч приостановился на секунду, словно принимая какое-то решение, и уверенно свернул в едва заметную щель

в непролазных зарослях кустарника, отгораживающего тропинку улицы от массива парка. Бойцы каравана, переглянувшись при столь неожиданной смене курса командиром, вломились вслед за ним, громко треща ветвями. Данила, пропустив всех, последний раз взглянул на окно, в котором поблескивали глаза невидимого хищника, и бесшумно юркнул следом.

Парк встретил людей неестественным для этого мира покоем. Земля была укрыта толстым ковром из опавших листьев, среди которых сохранились на удивление аккуратные брусчатые дорожки. Полное отсутствие подлеска создавало впечатление ухоженности. Наверное, ветер, как добросовестный дворник, подметает их целыми днями, поддерживая образцовый порядок. Где-то впереди, среди стволов исполинских тополей, поблескивала гладь озера. Умиротворяющая картинка убаюкивала. Казалось, что здесь, в этом парке, сохранился кусочек того мира, который люди уже безвозвратно потеряли: дорожки, железные витые столбики, поддерживающие круглые плафоны фонарей, скамейки, чугунные урны – не хватало только людей. И вот, наконец, они появились – и все должно тут же вернуться на круги своя.

– Срежем мимо озера, а то и так крюк делаем огромный, правда, я не люблю здесь ходить. Неуютно мне тут, – сказал Даниле Максимыч, снова встал во главе отряда и, осматривая каждый метр дороги перед собой, медленно пошел по брусчатой дорожке. Озеро находилось в естественной котло-

вине. Отряд повеселел, особенно новички. Прошли уже два километра, а ничего страшного не произошло. Звери на них нападать побаиваются, дорога несложная, и вообще, многим показалось, что опасности поверхности несколько преувеличены и отчасти выдуманы сталкерами. Наверное, для того, чтобы добавить подземным жителям больше уважения к ним. Ну, и рубликов можно больше насшибать, рассказывая про тяжести и лишения. В общем, не все так плохо.

Отряд спустился по широким ступенькам к берегу озера. Водная гладь, заросшая почти по всей поверхности огромными листьями водорослей с большими ярко-алыми цветами, оставляла свободным участок лишь в центре, где на чистой воде появлялись пузыри и перекачивались ленивые волны, словно кто-то большой ворочался и тяжело вздыхал в тесном для него пространстве. Окинув взглядом озеро, сталкер торопливо стал всех подгонять, стараясь уйти с открытого участка. Один из охранников закинул карабин за спину и потянулся к ближайшему цветку, который зазывно торчал в метре от берега. Огромные красные лепестки, покрытые маслянистыми желтыми каплями нектара, благоухали даже сквозь фильтры респираторов. Мелкие насекомые кружились вокруг, изредка усаживаясь на них, чтобы полакомиться.

– Замри! – зашипел Максимыч, обернувшись к входящему по щиколотку в воду бойцу. – Медленно назад.

Боец, растерянно замерший на секунду от угрожающего

тона командира, сделал шаг назад, вылезая обратно на сухую землю. Ему показалось, что цветок отреагировал на его движение и немного приблизился к берегу.

– Я ж тебе говорил – чем красивее зараза, тем дальше от нее держись, – с этими словами сталкер поднял сухую ветку и бросил на цветок.

В следующее мгновение цветок мгновенно втянулся под воду, а на его месте появилась огромная зубастая пасть, за которой поблескивали два блюдцеобразных желтых глаза. Громко клацнув, она перерубила толстую сухую ветку, словно это был тонкий стебелек, и тут же мгновенно скрылась под водой.

– А что это было? – верхняя часть лица у здоровяка была зеленого цвета, в тон оттенку респиратора, который перекопился на искаженном от ужаса лице.

– Это средство для мгновенной ампутации конечностей – конкурент моему отцу. Можно и голову, только цветок покрупнее выбери и понюхай. Решает все проблемы. Обращайся, если что, – показав новичкам представителя флоро-фауны, черт его знает, что это, по сути, Максимыч вернулся во главу колонны и пошел дальше вперед, оставив бойцов за спиной.

Нерадивый боец еще раз покосился на вновь всплывший «цветок», после чего удрученно встал обратно в строй.

– Ты не тушуйся, – к парню подошел молодой сталкер. – Не ты первый попался на приманку удильщика. Я бы тоже

без пальцев остался, если бы не Саныч. Красивые, заразы. Прямо так и тянет сорвать.

– А кто это – удильщик?

– Рыба такая... Наверное. У нее на кончике языка вот этот вырост, как цветок. Как только что-то съедобное его касается, он втягивается в пасть, а зубки – кусь, и все... приятно-го аппетита, как говорится. Твой еще ничего... средненький, максимум пальцы бы или кисть оттяпал, а вон там в центре – даже страшно представить, какого размера пасть, если «цветок» как моя голова.

Боец задумчиво посмотрел на озеро и поудобней перехватил охотничий карабин. Отряд, продравшись через загораживающие проход кусты, снова вышел на улицу. Под ногами опять мягким ковром стелился мох, глушивший шаги. Улица, сделав петлю вокруг парка, выводила на звездообразный перекресток. На этом зеленая территория заканчивалась. Выйдя из туннеля, образованного ветвями деревьев, отряд остановился на кромке площади, на которую выходило еще пять дорог. Перекресток находился в низине, а налево, направо и вперед дороги уходили в гору: по обочинам дорог стояли остовы высоких домов. Ржавые автомобили и даже один покореженный трамвай, лежащий на боку, дополняли пейзаж серых полуразрушенных многоэтажек вокруг, возвращая людей в реальность послевоенного мира.

Максимиыч внимательно оглядел открытый участок, раскинувшийся перед группой. По-хорошему, каравану надо

было свернуть круто влево, чтобы иным путем вернуться к ледовому дворцу. Другие дороги на Киселевку были не исследованы, значит, условно «более опасные».

Громкий нечеловеческий крик разорвал тишину мертвого города. На противоположную высотку, тяжело взмахивая крыльями, взгромоздилась огромная туша летающего ящера. Птичий выродок представлял собой пятиметровое, закопанное в броню тело с длинной шеей и головой полноценного дракона, каким его рисуют на картинках в древних книгах. Два огромных кожистых крыла, как плащ, ниспадали на стены под насестом рептилии.

Максимыч достал из поясной сумки бинокль. Несколько минут рассматривал стража площади, после чего, с нескрываемым восторгом сказал:

– Хорош, гад! Это он нас, пока мы в лесу были, в небе сопровождал, а теперь уселся, мол, никуда не денетесь. Данила, что делать-то будем? Ведь не даст, паразит, на улицу выйти.

Ящер иронично наклонил голову, как будто внимательно слушал людей, после чего шумно вздохнул и фыркнул:

– О, смотри, соглашается. Данила, да где ты? Иди-ка сюда. К авангарду пробился Данила-мастер.

– Я сзади молодого оставил. Что тут у нас?

– Да вот... сторожит, – Максимыч указал на маячившего на сорокаметровой высоте ящера.

– Здоровый, зараза, – уважительно оценил «птичку» сталкер. – Можно попробовать пугануть, а не получится, пойдем

в обход.

– Давай попробуем, больно уж не хочется снова кряк делать. Да и что-то мне его сообразительная морда подсказывает – не отпустит он нас просто так.

Данила кивнул и снял рюкзак. Бережно, с нежностью любящей матери, берущей на руки своего младенца, достал из его чрева матерчатый сверток. Осторожно развернул его и явил миру оптический прицел, после чего закрепил его на своем карабине. Кивком сообщив о готовности, он вышел вперед и устроился для упора на рухнувшей бетонной плите. Ящер как будто почувствовал неладное. Он начал возмущенно махать крыльями, оглашая окрестности громким криком.

– Да не вертись же... – Данила терпеливо дожидался удобного момента. Чтобы причинить заметный вред этому порождению ада, надо было попасть или в глаз, или в пасть, где не было роговых наростов, защищающих голову рептилии. Ящер этого явно не хотел.

Выстрел, несмотря на то что его все ожидали, прозвучал резко и громко. Охотничий СКС, раздобытый Данилой еще в незапамятные времена, изрыгнул огонь из ствола, и пуля ушла к беснующемуся на карнизе ящеру. И... чиркнув по костяному надбровью, срикошетила в крыло, проделав в нем рваную дыру. Ящер взвыл и, спрыгнув со своего места, спланировал в сторону обидчика. Второй выстрел, навскидку, попал ему точно между глаз. Мотнув мордой и заложив крутой вираж, «птичка», медленно набирая высоту,

стала удаляться от места проигранной битвы. Тряся ушибленной головой, она громко возмущалась невоспитанностью нынешней добычи.

Глава 4

Нападение

Сладкое слово – привал. Когда ноги гудят от пройденных километров, спина ноет от нестерпимого веса, оружие становится раза в три тяжелее, а ляжки рюкзака, того гляди, прорежут уставшие плечи насквозь – эта команда звучит как музыка, как божественная симфония. Но надо найти силы и на организацию отдыха. Казалось, что проще некуда – подогни уставшие ноги, и вот она земля, уютно принимает в свои объятия. Нет, мир уже не тот – прошли те времена, когда можно было безмятежно повалиться на травке. Чтобы караван отдохнул, кто-то должен трудиться.

Выбрав место под навесом, который соединял две полуразрушенные многоэтажки, Максимыч расставил посты охраны и, устало присев на бетонную плиту, с удовольствием осмотрел развалившихся в разных позах отдыхающих бойцов своего отряда. Пока все идет хорошо. Самое главное, что, пройдя половину пути, они избежали потерь. И с каждым шагом Максимыч все больше верил в успех казавшегося вначале безнадежным мероприятия. В то, что ему удастся-таки довести караван до «Кривича».

Среди вольно развалившихся караванщиков старый сталкер не сидел без дела. Внимательно осмотрев облюбованную для отдыха полянку, Данила выудил из рюкзака капроновую

веревочку и, придиричиво ее рассмотрев, соорудил удавку. После чего, легко приподнявшись, скрылся за ближайшим углом полуразвалившегося ларька. Не прошло и пары минут, как послышался возмущенный писк небольшого животного. Несмотря на усталость, бойцы похватали оружие и не сводили напряженных взглядов с угла, за которым скрылся сталкер.

– Что встрепнулись? – Данила-мастер появился как призрак, почти бесшумно, совершенно с другой стороны, зажав в руке две петли, в которых висели зверьки, внешне напоминающие крыс. Черные, лоснящиеся тельца, покрытые короткой жесткой шерстью, извивались, пытаясь достать острыми зубами до затянутых на задних лапках петель, но тщетно. Вереща от возмущения и злости, они косились на охотника своими черными глазками-бусинками.

– Что это ты, ужин себе, что ли, поймал? – не выдержал молодой парень, который пытался завладеть цветочком с озера. В его словах было столько сарказма и брезгливости, что передернуло даже толерантного к мнениям разных людей Максимыча. Среди жителей убежищ постоянно муссировались слухи о том, что сталкеры, находясь на поверхности, не брезгуют тамошней дичью. И что эти дикие и нелюдимые люди уже, по сути, мало чем отличаются от живущих там мутантов.

– Ага, вот, что-нибудь сейчас придумаем, – с ухмылкой сказал старый сталкер и, развернувшись к нему спиной,

направился в сторону витрины магазина, над которым из проржавевших и покосившихся букв складывалась надпись «Родник».

Видя, что глаза парня округляются, Максимыч пожалел того и произнес: – Пошли, посмотрим. Воспитанник у него там. Только не шуми, а то напугаешь животинку, и он тебя слопаёт вместо этих крысок.

Заинтригованный боец, перехватив удобнее карабин, с недоверием пошел за Максимычем.

Впереди слышался воркующий голос Данилы:

– Родничок. Родничок. Вылезай, да не бойсь ты. Смотри, что я тебе принес.

Максимыч замер возле опоры навеса и указал парню на вход книжного магазина:

– Смотри туда.

Из глубины помещений к Даниле тянулся отросток с широкими темно-зелеными листьями, на конце которого рос ярко-розовый цветок, напоминающий формой морду хищного животного. Эта «морда» осторожно обследовала протянутую Данилой извивающуюся крыску, после чего резким движением обхватила ее своими мясистыми лепестками, покрытыми изнутри острыми, как зубы, шипами, и громко зачавкала.

– Хороший Родничок, – ласково приговаривал Данила-мастер. – Кушай, я тебе еще одну крысу принес.

Максимыч обернулся на парня. Наверное, для него на се-

годня впечатлений поверхностной экзотики будет уже достаточно. Не каждый день происходит такая переоценка ценностей: прекрасные цветы на поверку оказываются зубастой тварью и, наоборот, зубастая тварь, пожирающая добычу, – милый домашний цветочек. Вид парня был далек от товарного. Как говорится, краше только в гроб кладут. Взяв бойца за рукав, сталкер отвел того, как зомби, в лагерь и усадил среди товарищей. На все расспросы тот только тупо моргал, и только через минуту неопределенно ответил.

– Он его кормит... – После чего замолчал до конца привала. И только когда вернулся старый сталкер, вновь обрел дар речи.

– А кто там живет?

Данила долго мялся, но потом разродился самым длинным монологом за все время путешествия:

– Понимаешь. Когда-то... еще до катастрофы – это был книжный магазин. Я еще мальчишкой сюда бегал книжки покупать. И еще тогда обратил внимание на здоровый фикус в кадке. Так он мне нравился, что я даже поливал его из бутылки потихоньку, чтобы продавцы не видели. Ну, я так думал, что они не видели. Вот, значит. И уже после этого дня... через много лет, зашел я за книгами и учебниками, для школы... Заказали мне. Ну, и наткнулся на вот это чудо. Конечно, у нас не сразу все заладилось. Огрызался он и даже пару раз цапнул, – Данила попытался засучить рукав и показать шрам на руке, но прорезиненный костюм не располагал

такой функцией, и сталкер, плюнув на это дело, продолжил рассказ. – Ну, в общем, то ли вспомнил он меня и узнал, или приглянулся я ему, а может, просто по общению соскучился, но, в общем, скормил я ему пойманную ящерицу, он меня и пропустил. Сейчас в магазине брать уже нечего, всё, что можно, я оттуда вынес, а остальное сопрело, но Родничка по привычке подкармливаю. Не могу бросить. И он меня узнает. Черт его знает как! Глаз у него нет – может, по запаху. Но он добрый и к людям тянется. Я даже Еремина пытался уговорить его к нам перенести поближе, но тот даже слушать не стал.

– А чего Родничок? Странное имя.

Данила улыбнулся:

– Я его сначала Горынычем звал. У него три цветка, как три головы прямо, но он на него не откликался. Наверное, не нравилось оно ему. Ну, а потом... видишь, как магазин назывался? «Родник». А в народе его Родничком обзывали, так и привязалось. Да и он, вроде, не против.

Максимыч уже слышал эту историю не раз, и сам однажды с Данилой подкармливал Родничка, но даже боялся представить реакцию начальника на подобную просьбу. И дело не в исполнении задумки – тут изобретательный Данила-мастер что-нибудь бы сообразил, а скорее в принципе – перетащить плотоядное растение к дому людей. Не все согласны спокойно терпеть это. Правда, если спросить Максимыча, то он и не против. Жили же раньше люди с собаками. А сейчас мир из-

менился и воспитанники изменились. Вот волколака в будке представить гораздо тяжелее, чем Родничка. Не соотносится эта безудержная ярость дикого зверя с домашним уютом. А Родничок так и остался, по сути, домашним растением, пус-кай и сменил немного рацион.

Тяжело поднявшись с бетонной плиты, Максимыч дал команду на сбор. Кряхтя, бойцы встали и натянули на плечи рюкзаки. Половина пути пройдена. Парадоксально, но Изотов всегда удивлялся, как в самых неожиданных местах вылезала теория относительности старика Эйнштейна. «Все относительно точки лицезрения». Как рассказывал отец, чтобы добраться из гаража домой, ему надо было всего полчаса. Это пешком, а если использовать транспорт, то и считанные минуты, а теперь и дня мало. И хотя расстояние осталось тем же, что-то постоянно задерживало. Шаг человека, идущего по поверхности, стал осторожным, органы чувств – слух, зрение – напряжены, выискивая скрытые повсюду опасности. Это съедает время, как прожорливый волколак, оставляя лишь куцые обрубки, и бедный сталкер пыхтит, пытаясь соединить их в нечто целое, чтобы воспользоваться этой маленькой форой и прожить еще чуток, пройти еще немного, принести еще одну вещицу, которая поможет всем выжить.

Но не все так плохо. Максимыч вспомнил, как сияли глаза девчонок, когда он дарил им фигурки. Ради этих искорок радости можно наплевать на опасности. Трудности и риск не могут сравниться с наградой. Они блекнут и даже не вспоми-

наются, когда Иринка и Алинка смотрят на него так, как будто он волшебник или небожитель, только что свершивший на их глазах чудо, и в груди становится тепло. Нет, ради этих глаз стоило и рисковать, и бросаться в самое пекло. Лишь бы вновь увидеть этот блеск, эту восторженность. Распирает от радости, хочется свернуть горы, зажечь новое солнце, перевернуть весь мир или лучше вернуть старый, чтобы сидеть с ними на поляне и жарить на костре шашлыки, как раньше в детстве.

Длинная, будто бы начерченная линейкой, лесополоса, уходящая вдаль на юг, предстала перед сталкерами. За спиной – мрачные руины собора, стены которого густо оплетал плющ. Кое-где сквозь зеленую шубу еще проглядывала белая плитка ровных стен, да перекореженный купол сверкал скудной потершейся позолотой в неярких солнечных лучах, пробивающихся сквозь густые облака. Дальше слева еле виднелась тропка в сторону их дома, родного подземелья, где по дороге почти полностью сохранился ледовый дворец. Сделав такой большой крюк, караван вернулся почти к тому же месту, откуда начал свой путь. До Плеша по этой тропинке было не больше полукилометра.

Лесополоса когда-то была аллеей, теперь она перегорожена рухнувшими домами, двумя неширокими дорогами по краям и трамвайными путями по центру. По этим самым путям, словно по путеводителю, и предстояло двигаться каравану в сторону «Кривича». Ржавые рельсы, лежащие на

трухлявых шпалах, были единственным более или менее проходимым участком улицы. По сторонам дороги все покрылось буйной растительностью, скрывающей в дебрях какие-то невысокие, не больше метра, сложенные из крошащегося красного кирпича и накрытые бетонными плитами постройки.

Максимыч, в прошлый раз пройдя в этом месте, посчитал эту дорогу относительно безопасной. Высокие кроны деревьев надежно скрывали путника от глаз голодных ящеров, иногда бороздивших в небе, а прямая дорога вела как раз туда, куда нужно, и была достаточно удалена от домов, чтобы путники не боялись нападения наземных хищников.

Группа втянулась под полог ветвей. Данила, остановившись на перекрестке, еще раз окинул взглядом окружающие дома. Как все необратимо поменялось, за какие-то двадцать лет. Он еще помнил этот перекресток с величественно возвышавшимся над ним храмом; устроившимся рядом, как неуместно приземлившаяся инопланетная летающая тарелка, Ледовым дворцом; весело снующими рыжими трамваями, звонко звенящими на людей. Нет уже ничего этого – осталось только в его памяти. А исчезнет он, и совсем все сгинет. Молодые всего этого не видели и представить даже не могут, как жили их родители.

Данила вытряхнул из головы морок и прибавил шагу, поторапливаясь за ушедшим вперед отрядом. Покрытые листвой и мхом шпалы гасили звуки шагов. Впереди, в каких-то

пятидесяти метрах, маячила спина последнего караванщика. Тишина – признаков опасности нет, но Даниле-мастеру что-то не нравилось. Что-то неопределенное... непонятная тревога. Он интуитивно стал присматриваться к мелочам, которых не замечал раньше. Обойдя бетонную конструкцию, сталкер повел носом – из приоткрытого люка пахнуло духом канализации, да так, что не выдержали самодельные фильтры респиратора. Одинокая маленькая летучая ящерка перепорхнула на другое дерево прямо над головой, едва не зацепив крылом человека.

– Совсем тварь обнаглела... или бежит от чего-то более опасного? – сталкер остановился и взял оружие наизготовку. Опасность нависла над всем отрядом, как тень огромного ящера. Еще невидимая, но уже ощутимая. А Данила, как бы еще не войдя под ее крыло, стоял рядом... сделай он еще хотя бы шаг, и будет так же накрыт им, но... враг его еще не видит или не принимает в расчет. Данила закрутил головой – ничего подозрительного. Но он всем своим нутром ощутил, останавливать отряд нельзя, надо только бежать и бежать очень быстро, несмотря на груз, на усталость. Проскочить это место – тогда будет шанс, какой-то... Если остановиться, то все начнется.

Данила сорвал с себя маску респиратора и крикнул во всю силу своего иссушенного горла:

– Бегом!

И сам, что было силы, припустил вперед, пытаясь догнать

отряд. Последний боец, нагруженный вместительным рюкзаком, оторопело остановился от крика Данилы за спиной и в ту же секунду, неуклюже взмахнув руками, перевернувшись вниз головой, взлетел под полог ветвей. Его сдавленный крик заглох, когда сразу два коротких дротика вонзились ему в шею. Со всех сторон тропы прозвучало нечеловеческое завывание и улюлюканье, а среди ветвей и стволов замелькали темные фигуры.

Данила, выдыхаясь, еще ускорился, выдавливая из себя предельную скорость, на которую он только был способен. Вокруг мерзко засвистели дротики. Что-то чиркнуло по разгрузке. Выхватив на ходу мачете, он в отчаянном прыжке перерубил веревку, на которой висел уже мертвый напарник, и, рухнув рядом с ним на землю, перекатился за его тело. Два дротика вонзились в рюкзак там, где только что торчала голова старого сталкера.

Данила, не высовываясь из-за своего укрытия, выстрелил вверх, где среди ветвей заметил какую-то тень. Вниз, с треском ломая ветки, грузно свалилось тело существа, приземлившись прямо на мертвого бойца, тем самым улучшив импровизированную баррикаду сталкера.

– Я слишком стар для таких передраг, – пробурчал он себе под нос и, выставив карабин, навскидку несколько раз выстрелил в приближающиеся силуэты, с удовлетворением отметив, что пара упала и замерла, а остальные метнулись в разные стороны. Вокруг кипел бой: протяжно ухали дробо-

вики, огрызался «калаш» Максимыча, и всему этому отвечали со свистом проносящиеся дротики. В очередной раз выглянув, Данила разрядил карабин в несущиеся к нему с дикой скоростью двуногие фигуры и, когда нажатие на спусковой крючок выдало лишь сухой щелчок, поднял валяющийся на земле мачете.

На него навалилось сразу трое противников. Все-таки это были люди. В невыделанных шкурах или в доспехах из чешуи ящеров, с разрисованными черной краской лицами, вооруженные примитивным оружием, низкорослые, худые, но люди. Парировав удар зазубренного топора, он вонзил в череп одного из нападавших свое оружие, но на руке тут же повис дугой, а третий крутился вокруг, пытаясь нанести смертельный удар. Данила вертелся, словно медведь, окруженный гончими, но стряхнуть с плеча вцепившегося врага ему никак не удавалось. В конце концов, второй коротышка, метнувшись в ноги исполина, умудрился завалить его. Данила в последний момент извернулся, как кошка, и всей своей немалой массой рухнул на висевшего на нем дикаря. Внутри варвара что-то хрустнуло, и коротышка, крепко державшийся все это время на плече Данилы, сразу затих. Сталкер тяжело развернулся к последнему противнику, а размалеванная рожа, хищно оскалившись, уже занесла над ним ржавый нож. Но в этот момент прозвучал выстрел, заряд полностью снес дикарю голову.

– Ты как? – над сталкером появилось взволнованное ли-

цо Максимыча. Сорванная маска респиратора болталась на шее на одном ремешке, в левой руке зажато окровавленное лезвие любимого вакидзаси, в правой – еще дымящийся двуствольный обрез, из которого он только что пришиб последнего представителя Homo canalisatis.

– Ты знаешь, никогда не был так рад видеть твою морду. Думал, уже все... с тезкой своим повстречаюсь, вместе с архангелами его, а тут ты... – Данила тяжело поднялся, но тут же, охнув, сел обратно на рельс. Из бедра торчал черенок дротика, костяной наконечник которого виднелся с другой стороны ноги. – Вот ведь паскудники, все-таки зацепили.

– Ну, и ты, я смотрю, в долгу не остался. – Максимыч окинул взглядом поле боя. Вокруг Данилы в разных позах валялось около десятка тел.

– Один твой, мне чужого не надо, – Данила наклонился и подтянул к себе за ремень карабин, перезарядил его и положил рядом с собой. – Как у нас? – кивнул он на тело погибшего бойца.

– Трое убитых и с тобой трое раненых. Два рюкзака пропали и карабин. Василий погиб, – Изотов с грустью вспомнил сталкера, который все время шел рядом. – Сдается мне, что нас ждали.

– Сам ты раненый, на всю голову... – Данила обидчиво покосился на Максимыча, признавать раненым он себя не хотел. – У меня все до свадьбы заживет. А как твою свадьбу ждать, пока ты со своими бабами определишься, так и новая

нога отрасти успеет. Ждали... Где они нас ждать могли? – С этими словами Данила с хрустом переломил черенок возле своего бедра и вынул остатки дротика за наконечник с другой стороны. После чего, кряхтя, достал из разгрузки перевязочный пакет и прямо поверх штанины перевязал рану. Максимыч улыбнулся и наклонился над распростертым телом дикаря. Коротышка был одет в какое-то вонючее тряпье, но из-под мохнатой шкуры непонятного зверя виднелась настоящая кираса из чешуи летающего ящера.

– Судя по вони, среди своего дерьма они нас и ждали, – он вынул застрявшее мачете из черепашки врага и протянул Даниле. – Да уж... в чешуе как жар горя... с ними дядька Черномор. То-то, я смотрю, мое лезвие с них соскальзывало. Только когда в башку метить стал, так и толк появился. – Максим помолчал, оглядевшись по сторонам. – Спас ты нас, Данила. Ты тут, наверное, с десяток покрошил. У нас, благодаря тому, что вовремя спохватились, около того же, ну и, примерно, столько же в канализационные коллекторы ушли. Вот такая арифметика. Против наших троих. Что делать теперь будем?

– Надо отойти отсюда и небольшой привал устроить – «раны зализать», а потом пойдем, куда шли, в «Кривич», идти ближе. Товар, что остался, донесем, ну и помощи попросим. – Данила поднялся и попробовал наступить на раненую ногу. Поморщился, но остался доволен результатом, скинул мертвое тело дикаря с бойца, которого не успел спасти. Ма-

тлюкаясь на ранение и вонючих «засранцев», из-за которых он должен терпеть боль – это «маленькое неудобство», стащил с парня рюкзак, забрал боеприпасы, снаряжение и оружие. – Похоронить бы своих, но трупоеды все равно ведь раскопают.

– Оттащим подальше да завалим хламом, а на обратном пути заберем. Им тут и без наших ребят пир на весь мир. – Максимыч взвалил рюкзак себе на плечи. – Пошли, тут недалеко, в конце аллеи, ровная площадка, с каким-то навесом, наверное, старая трамвайная остановка, там отдохнем и перевежемся.

Глава 5

Помощи нет

– Ты куда нас привел, Сусанин? – Данила перенес вес с раненой ноги на здоровую и огляделся. От самого Кривича остались только стены – перекрытия торгового центра сложились, открыв ветрам и дождям все до подвала. Заботливо расчищенная от строительного хлама лестница привела их к тяжелой взрывостойкой двери, которая... была раскрыта нараспашку.

Бойцы напряженно всматривались в темноту проема. Оттуда с завыванием вырывался зловеющий ветер.

Максимыч тревожно оглянулся и коротко распорядился:
– Двое наверх. И внимательней там.

Пара бойцов опустила на пол раненого караванщика с перевязанной промокшими от крови бинтами головой и, стуча ботинками, побежала к выходу с лестницы.

– Пошли, посмотрим, – Максимыч закинул неудобный в тесных помещениях автомат за спину и достал из поясной кобуры пистолет.

Данила вынул из ножен мачете и, припадая на раненую ногу, двинулся за командиром. Внутренняя дверь шлюза валялась на полу, прямо посреди пятна высохшей крови. Пустота и тишина в помещениях пугала. Ни мебели, ни тел – глазу не за что было зацепиться.

– Да вот, гости пришли, а хозяйева на даче... Заходи кто хочешь, бери что хочешь... увезли всех... и, похоже, насильно. Тут всегда приветствовали минимализм?

– Да нет. Я далеко не заходил, но мебель была, и людей десятка с три проживало – хруст отколотого со стен кафеля под ногами аккомпанементом сопровождал весь осмотр. Комната за комнатой, коридор за коридором. В дальнем зале, в котором стоял массивный «мертвый» электрогенератор, обнаружилось еще несколько бурых пятен и множество следов от пуль в покрытой белой штукатуркой стене.

– Последний форпост, – Максимыч посветил фонариком в комнату, после чего, брезгливо переступив через кровь, наклонился, приподнял дверь и что-то из-под нее достал. – Во, смотри, визитку оставили, – с этими словами протянул Даниле обломок дротика.

Данила повертел короткий черенок с наконечником из кости и аккуратно вложил его в ножны мачете, к первому, вынутому из собственной ноги.

– Да, знакомые наши. С плохим парфюмом и вызывающе ярким макияжем на роже. Я смотрю, довольно хорошо они тут прибрались, а эту свою вещицу просмотрели. Теперь понятно, откуда они про наш караван знали, – кривичевские сказали.

Максимыч кивнул, соглашаясь, и указал на засохшую лужу крови:

– Убедили рассказать. Пошли, надо что-то теперь делать.

Не дойдем мы с грузом и двумя ранеными, да и ты, вон, хромаешь все больше, – с этими словами он направился к выходу.

Увидев сталкеров, выходящих из подземелья, все бойцы каравана встали. Даже один из раненых приподнялся на локте, пытаясь сесть.

Максимыч посмотрел на группу и произнес.

– Ребятки, ночь близится. До дома мы засветло не дойдем. Надо укрытие искать. Ночь переждем, а поутру тогда двинем.

В вечернем сумраке город натягивал на себя одеяло тумана. Словно живое существо, он ворочался и кряхтел на своем ложе, укладываясь спать. Звуки всегда жили в разрушенном городе, но вечерами они приобретали какую-то странную сюрреалистическую окраску.

– Может, тут переночуем? – молодой сталкер указал на приветливо распахнутые гермодвери. – Идти больно никуда не хочется.

– Нет, – Максимыч резанул отказом. – Это место дикарям известно. И если нас будут искать, то прежде всего тут. Я знаю тут недалеко неплохо сохранившийся подвал под магазином. Там переждем. Все, хватит рассиживаться. Надо еще туда засветло дотопать.

Наползающая темнота и туман бережно укрыли поредевший караван. Черная громадина здания магазина появилась совершенно неожиданно. Торчавшие голые металлические

ребра панорамного окна без каких-либо признаков стекол были, пожалуй, единственными разрушениями. Максимыч пробежал по короткой лестнице крыльца и распахнул противно заскрежетавшую дверь.

– Вниз по лестнице, – дождавшись, пока пронесут раненых, он зашел следом и прикрыл створку. Запирать ее не было смысла. Зверь этим путем не пойдет, а человек предпочтет привычный вход, и скрежет двери послужит лишним сигналом. Он профессиональным взглядом осмотрел пустынный разоренный зал продовольственного отдела и устремился вниз за растворившимися в темноте спинами товарищей.

Цокольный этаж был когда-то хозяйственным. Кругом валялись ржавые кастрюли и хрустело под ногами битое стекло посуды. Зайдя последним, сталкер задвинул решетку, полностью перекрывающую выход на лестницу.

– Ну, вот мы и на месте. Располагайтесь.

– А что это за место? – молодой сталкер водил лучом фонарика по сторонам, выхватывая им перевернутые стеллажи и гору сопревших тряпок.

– Это хозтовары, тут относительно безопасно. Стены крепкие. Два выхода. Единственное, огонь нельзя разводить. Но ночь переживем...

– Я пороюсь... – с этими словами парень медленно побрел по хрустящему полу, освещая фонариком пространство впереди себя.

– Поройся... правда, все ценное давно отсюда вынесли.

Раненых уложили на тряпки, рядом уселся Данила и, срезавав ножом бинты, стал стягивать с себя штаны комбинезона.

– Как ты этот подвальчик нашел? Фонарик поддержи... – он оценил масштабы бедствия и констатировал: – Жить буду, – после чего засыпал в рану порошок антибиотика и довольно проворно замотал ногу свежим бинтом.

Наблюдая за манипуляциями друга, Максимыч ответил:

– Да ящер меня сюда загнал, когда первый раз в «Кривич» ходил, тогда еще и заметил подвальчик. Пойду остальных посмотрю.

Двое других раненых были в худшем состоянии: у первого дротик застрял в плече, и помышлять о том, чтобы вырезать наконечник в этих условиях... Парень бредил и «горел». Присоединилась инфекция или наконечник был отравлен. У второго, на первый взгляд, было не лучше. Лезвие тесака снесло ему левое ухо и воткнулось в основание шеи, почти перерубив мышцу. Но боец был в сознании, хотя и мучился от боли. Пусть скажет спасибо, что мышцы перекачаны, а то и ключицу разрубило бы. Осмотрев раненых, Максимыч вернулся к другу.

– Как там? – Данила уже натянул штаны и заматывал дырки дефицитным скотчем, который ценился сталкерами наравне с боеприпасами.

– Плохо. Боюсь, одного не донесем. Пойдем завтра коротким путем, через пятно. А товар тут оставим. Чтобы налегке

быть.

Данила покачал головой, сомневаясь в правильности решения, но, не найдя другого, согласился.

– Ребята, смотрите, что нашел, – из мрака появился молодой. В руках он тащил какую-то стеклянную колбу и пластиковую бутылку. Он поставил на пол посудину, налил из бутылки тягучую темную жидкость, после чего поджёг фитиль, находящийся над посудиной. Водрузив сверху колбу плафона, он с торжеством посмотрел на окружающих.

После сумрака узких лучей фонариков, помещение озарилось ярким светом.

– Я там еще монет в ящике с кнопками обнаружил. Немного – рублей двести.

– Ящик этот кассой называется, – назидательно произнес Данила. – А монеты сдать не забудь, а то вместо прибыли еще и штраф заплатишь. А так премию получишь.

– Я правила знаю, – обидчиво посмотрел на старшего сталкер. – Десять процентов от найденного – мои. Хоть двадцать рублей... – Он задумался, подсчитывая прибыль, шепча губами неповоротливые цифры. – Это почти половина моего жалования! Только монеты все темные.

– Ничего, ототрутся. Вначале все монеты были как уголь. А теперь, вон, блестят, как только что из-под пресса.

– А скотча вот не нашел, – сталкер с завистью посмотрел на залепленные дыры на ОЗК Данилы. Это простое средство ремонта костюма в полевых условиях спасало жизнь попав-

шему в передрагу сталкеру не реже, чем лишняя обойма патронов. Только беда в том, что в основном это сокровище попадалось в слежавшемся, испорченном виде.

– Найдешь еще, – Максимыч встал. – Подежурь возле решетки, через пару часов я тебя сменю. Можешь пока вокруг посмотреть – хозяйственный магазин все-таки, должно же быть.

Подбодренный таким образом, парень подхватил свой дробовик и, обходя попадающийся на пути хлам, направился в сторону перегороженной лестницы. Покопавшись в одной из куч с мусором, он выудил оттуда стул на крестовине. Поерзал на нем и уселся лицом к выходу, положив оружие на колени.

* * *

Жрец восседал на своем троне и взирал с высоты на ликование своего племени. Что и говорить – повод был. Вот оно процветание, которое обещал Бог благочестивым людям... Точнее, он от имени бога... или все-таки он от себя – как бога. Он еще не определился с определениями, но это его не смущало. Жрец ухмыльнулся игре слов в своих мыслях. Воины вернулись, и вернулись с богатой добычей: оружие, еда, женщины. Не эти болезненно худые, покрытые язвами, рожающие уродов, а сытые, красивые, ухоженные. Даже мебель – она-то им зачем? Может, как признак лучшей жизни?

И двух пленных мужчин – старика и молодого парня приволокли. Великий дух будет доволен подарком!

Он с улыбкой наблюдал, как воины ссорятся из-за смазливой девицы. Махнув рукой, он велел привести ее к себе, тем самым прекратив назревающую драку. Сам Великий снизошел принять дар от «детей» своих. Это большая честь. Испуганную девчонку подтащили к жрецу и бросили к его ногам. Интересная... Лет двадцать назад он такую бы не пропустил. А сейчас она ему нужна как игрушка... красивая игрушка. Несмотря на перемазанное грязью и слезами лицо, несмотря на синяк на щеке.

Они всегда были для него игрушками, только играл он с ними в то время по-другому. Но еще тешит самолюбие старика прелестное создание рядом. Кого она ему напоминает? Он кинул взгляд на связанного пожилого пленника, валяющегося внизу. В памяти всплыл статный мужчина в дорогом костюме на каком-то собрании сильных города сего. Да, потрепала его жизнь! Но еще вполне узнаваем. Тот же гордый, не признающий никаких авторитетов взгляд. Как приятно сломать его волю... быть властителем его судьбы... судьбы его родных. Кто она ему? Дочь – вряд ли, слишком молода. Наверное, внучка. Жрец встал со своего трона. Его худая костлявая спина выпрямилась, придавая осанке царственность. Повелительным жестом он приказал привести ему связанного пленного.

Мускулистые воины, не обращая внимания на стоны бо-

ли, подхватили старика и, подтащив его к конструкции, на которой разместился трон, поставили на колени. Поклонившись Великому, отступили назад.

Жрец медленно обошел пленного и заглянул ему в глаза. Левый глаз заплыл, но правый «мечет искры» гнева. «Да, взгляд не изменился. Ну, ничего, это я сейчас исправлю».

– Жизнь странная штука, правда, Юрий Николаевич? Когда ты велик, вокруг тебя крутится быдло, которое только и существует, чтобы смотреть вам в рот. И вот в какой-то момент судьба насмехается над тобой и превращает тебя в ничто... даже не в быдло, а в грязь под их ногтями.

Пленник прищурился и единственным незаплывшим глазом посмотрел в лицо жреца, силясь вспомнить... узнать.

– Не старайтесь, Юрий Николаевич, я сильно изменился, да и вряд ли вы тогда обращали на меня внимание. Для вас, уважаемый, имеет огромное и, к вашему сожалению, трагичное значение то, что я вас помню. Я был для вас, в лучшем случае, обслуживающий персонал. Это я тешил себя красивым словом «партнер». Вижу, что зря. А сейчас все поменялось!.. Я теперь твой Бог!.. И не только твой, но и твоих потомков, – жрец повернул голову и посмотрел на распростертую на полу девушку. – Я, пожалуй, пока возьму ее себе, а надоест, отдам им, – жрец кивнул вниз, где самые сильные воины наконец разобрались между собой, распределили остальных плененных женщин и уже вовсю наслаждались своими новыми трофеями. – Она родит для меня хороших

воинов. Моему народу нужны сильные воины.

– Ты не посмеешь! – хриплый голос старика вызвал смех у жреца.

– Да вы что, Юрий Николаевич? Да я мечтаю об этом! Одно меня огорчает. Не получу я удовольствия от лицемерия вашей рожи. Очень хотелось бы... Но для вас у меня приготовлена немного другая роль. Мой народ желает зрелищ, и я, как вы понимаете, не могу им отказать. Имидж, будь он проклят, требует пожертвовать удовольствием. Так вот, продолжая нашу дискуссию. Все эти философские мысли привели меня к одному убеждению. Великим быть довольно легко, но истинно велик тот, кто, низко пав, смог подняться и стать великим снова. Мне это удалось дважды. Поэтому я посмею... еще как посмею.

Жрец посмотрел в здоровый глаз пленника, в котором, как в калейдоскопе, менялись эмоции: гордость, гнев, страх и отчаянье, – ухмыльнулся щербатым ртом с редкими гнилыми зубами и громко распорядился:

– Ее раздеть и в мое жилище, а этого в клетку – готовьте к церемонии.

Он с улыбкой наблюдал, как старик сыпал проклятиями в его адрес, едва волоча ноги за двумя уносящими его крепкими воинами, а девушка, завывая от ужаса, слабо отбивалась от слуг, пока те срывали с нее одежду.

«Да, сегодня определенно замечательный день. Для полного праздника не хватает только вернувшегося с победой

отряда, посланного за караваном».

Мысли его прервал шум возвращающегося отряда. Он бросил взгляд на вход в лабиринт канализации... «Почему так мало воинов? Не больше десятка. И не видно плененных». Воины поднялись на железный балкон и подошли к ажурной металлической конструкции. Сложив возле ног жреца два увесистых рюкзака и один карабин, отбитые у каравана, все пали ниц, видя гнев их повелителя.

«Это что, цена за два десятка лучших воинов? Зачем мне это барахло? Мне нужны головы врагов, а еще лучше живые обитатели «Измерителя», чтобы насладиться их страхом и болью». Сжав челюсти так, что кожа натянулась на скулах, а губы превратились в узкую полоску на лице, жрец подошел к павшим ниц воинам. И, выбрав особь покрупнее, тихо произнес лишь одно слово:

– Почему?

– Великий, они почувствовали засаду. Среди них был колдун. Твои воины сражались как яростные псы, мы убили нескольких и смогли отбить эти вещи, но силы были неравны. Среди них были очень сильные воины. Я сам видел, как огромный колдун один перебил две руки воинов отряда. Дротики отклонялись или отскакивали от него. Мы ничего не могли с ним сделать.

Жрец молча взирал на командира посланной им группы воинов. Темные глаза его не обещали ничего хорошего.

– Я посылаю с тобой еще две руки воинов и даю волшеб-

ное оружие, изрыгающее огонь. Найдите этот караван и принесите их головы. С плохими новостями не возвращайся. Тогда ты будешь жертвой Великого Духа.

Воин склонил голову и попятился назад, боясь поднять глаза на разгневанного владыку. Жрец развернулся к ним спиной и направился в свои апартаменты. «Надо остыть, насладиться юной девчонкой – это успокаивает».

* * *

Клубы тумана вползали сквозь разбитую витрину в здание, неся призрак рассеянного света. Пластины закрытой решетки, собиравшиеся, как гармошка, к стене, стали более различимы, и это говорило о том, что наверху день вступал в свои права.

Максимыч встрепенулся. Последние три часа, которые он провел на стуле, прислушиваясь к звукам на поверхности, сталкер пребывал в задумчивости. Как возвращаться назад? Предпочтительней выглядел вариант по аллее, а там как-нибудь остороженько мимо термитов. При определенном везении и опыте это было вполне возможно, но что-то внутри сидело занозой: «Нельзя! Опасно!» Изотов привык доверять своему внутреннему голосу. И если рассуждать, то нельзя идти этим путем не из-за насекомых, а потому что это единственная дорога, где может опять ждать засада. Второго такого нападения отряд не выдержит.

Решено – пойдём через «горячее» пятно. Он поднялся со скрипнувшего стула и потряс плечо Данилы:

– Поднимай всех – надо выдвигаться.

Зажглась масляная лампа, осветив скудным светом зашевелившихся бойцов. Тихие разговоры, сборы. Через некоторое время Данила подошел к Максимычу:

– Плохая новость, парень с дротиком в груди умер.

– Черт! Четвертый уже. Берем все, что можем унести. Распредели свободное оружие среди здоровых. Пополняем боеприпасы из рюкзаков с товаром. Тело и остальной товар придется оставить здесь. Второй как?

– Ничего вроде, держится. Но путешественник из него никакой.

Максимыч огляделся в полумраке подвала:

– Пойдем налегке. Надо соорудить что-то наподобие носилок. На сборы и перекус полчаса. Выходим через запасной выход. Не забудьте проглотить по таблетке антирада – пойдём через «грязный» участок.

* * *

Максимыч никогда не думал, что так обрадуется появившейся из-за угла «Ведьминой плешу». Последние три часа были похожи на ад санитаря, потерявшегося с раненым в чаще леса. Мало того, что пятно само по себе представляло собой сошедшие с ума от безнаказанности и отсутствия ка-

ких-либо границ роста джунгли, так и пройти по этому лабиринту было можно далеко не везде. Точнее, мало где можно было пройти, а порой казалось, что нельзя нигде. Иногда, вопреки всякой логике, счетчик трещал даже в тех местах, где только что прошел весь отряд, и пару минут назад тот же счетчик молчал и разве что не тыкал пальцем, мол, единственный путь здесь. Взмокли абсолютно все: и бойцы, которые, попеременно меняясь, тащили раненого; и сталкеры, которые, как никто другой, представляли себе, в какую «задницу ящера» они залезли по собственной воле; и даже раненый, постоянно цепляющийся за края самодельных носилок побелевшими от напряжения пальцами. Он постоянно рисковал свалиться с них под ноги, поэтому изо всех сил держался, лишь изредка стонал, преодолевая боль. И тут, продравшись через очередной обезумевший куст, который, по-видимому, был чокнутым папоротником, Максимыч оторопело остановился, очутившись на свободной площадке. Неужели все кончилось? Этому, с позволения сказать, пограничному растению почему-то было мало сиреневого оттенка жестких листьев, он еще отрастил себе шипы, в палец длинной и, словно колючая проволока, не выпускал путников из зараженной радиацией зоны. После этого буйства красок и форм так приятно попасть в обычный лес с покрытой мхом землей. Максим даже не поверил своим глазам, столь резкой была перемена обстановки. Вот он, перекресток, с которого начиналось их путешествие всего в паре десятков мет-

ров, а слева такая родная, поблескивающая лысыми рельсами «Ведьмина плешь».

Дежа вю. То же место и те же люди. Почти те же – не все смогли дойти, чтобы ощутить волшебное чувство, что все, что с ними сейчас происходит, уже когда-то происходило. Нет, всё уже позади. Максимыч стоял и наблюдал, как его бойцы бессильно повалились на землю. До дома остался один бросок, но сил на этот бросок ни у кого уже не было.

Ему тоже очень хотелось рухнуть рядом с ними на ближайший валун. Выискивая проход в пятне, он намотал в два, а то и в три раза больше расстояния, чем все, но хотя бы не тащил на себе раненого, поэтому из последних сил снарядил сам себя в дозор. Пять минут. Большого он ни себе, ни своим ребятам позволить не может. Он поймал себя на мысли, что не разделяет уже участников каравана на сталкеров и носильщиков. Все одинаково родные, особенно после потери четверых. Эти раздумья не мешали Максимычу сканировать местность. Медленно скользящий по опушке взгляд остановился на ничем не приметном маленьком деревце. Растение как будто почувствовало внимание к себе и... моргнуло. Куст с двумя круглыми зелеными глазами с узкими вертикальными зрачками. Растения могут поцарапать шипами, запутать ветками, даже укусить, если вспомнить Родничка, но моргать... Сталкер поежился и внимательно осмотрел границу леса еще раз. И обнаружил еще одну пару глаз... и еще... на пятой паре злых узких зрачков

стало понятно, что группу берут в клещи по всем правилам охотничьего искусства. Все стало на свои места. Деревья не смотрят – глаза принадлежали потомкам кошачьих. Небольшие животные, не больше метра в холке, потеряв свой пушистый мех, приобрели способность практически сливаться окрасом с окружающей средой. Недюжинный ум подсказал им объединиться в опасные стаи или прайды. От раненого исходил сильный запах крови, удивительно, что на него пришла всего одна семья.

– Ты что замер? – Данила переложил свой карабин на колени.

Максимыч молча указал автоматом на «куст», который не сводил с него своих немигающих круглых глаз.

Сталкер кряхтя поднялся с бетонной плиты и, припадая на раненую ногу, подошел к командиру, пытаясь разглядеть, что там в зарослях могло так беспокоить начальника.

– Тьфу ты, это ж кошка. С каких пор ты их боишься?

– Да их тут, наверное, с десятков.

– Ну и что. Мы им не по зубам. На падаль надеются, – Данила внимательно посмотрел в изумрудные глаза, отчего животное нервно заерзло. – Коты как коты. Ну, чуток побольше наших размером, да и раскрашены странно, – Данила закинул карабин за спину и протянул руку к животному. – Кис-кис-кис.

Животное блаженно зажмурилось и издало какой-то странный звук: то ли муркнуло, то ли мяукнуло, то ли рык-

нуло – что-то среднее, и медленно вышло из зарослей. Пестрый окрас на его коже будто расплывался, создавая рисунок идеального камуфляжа.

– Я сейчас пальну, – напряженным шепотом произнес Максимыч, не отводя от здорового кота ствол автомата. Лицо над маской респиратора было бледным, а лоб покрывала испарина.

– Я те пальну, – так же шепотом произнес Данила. – А если все кинутся?

Бойцы, видя столь странную картину, медленно потянулись за оружием, стараясь даже не дышать, чтобы не нарушить шаткое эмоциональное равновесие, установившееся на поляне. Все понимали, что отбиться от сильных и проворных животных без потерь в случае нападения будет очень сложно.

Кот, медленно и осторожно ступая мягкими лапами, подошел к Даниле, внимательно посмотрел на его руку, как будто примериваясь, за какое место ее цапнуть, но после минутного раздумья наклонил лобастую голову и боднул ее, мол, давай, чего звал? Сталкер развернул ладонь и почесал его за ухом. В тишине опушки, которую боялись нарушить абсолютно все: и люди, и животные, раздалось характерное шуршание жесткой шкуры. Кот еще немного потерся об руку, но, когда среди зарослей раздался призывный зов главы семейства, шустро ускакал к сородичам.

Тишина зависла еще на несколько секунд, но ее разрядил

нервный смешок, и слабый голос раненого произнес:

– А я уж думал, что я брежу. Открываю глаза и вижу – Данила с мутантами обнимается. И тишина... Все, думаю, кирдык пришел.

Это заявление вызвало дружный смех облегчения у всех в караване.

– Да я и сам обалдел от такой наглости. Еще одно такое знакомство, и штаны надо будет точно менять – чуть не поскользнулся на собственной смелости, – произнес Данила и, отстегнув маску, протер ладонью вспотевшее от напряжения лицо, после чего широко улыбнулся, вызвав очередной взрыв смеха.

После встречи с прайдом Ведьмина плешь показалась им не такой уж и страшной. Поскребла где-то в черепашке и отпустила. Скорей всего, город решил, что отряду передряг будет достаточно, и не стал беспокоить такими пустяками, как темпоральная психоаномалия. Уставший, израненный и поредевший караван вошел на охраняемую территорию бункера.

Глава 6

Забытое слово «война»

Шум в зале заседаний был такой, что Максимычу после тишины на поверхности закладывало уши. После его доклада установилось безмолвие, а потом началось... Причем пытались перекричать друг друга члены Сената, которым следовало бы помолчать и послушать тех, кто в такой ситуации понимает немного больше. Хотя их понять тоже можно. Двадцать лет общество жило в покое, и эмоции после минутного замешательства вырвались наружу. За гневом и бравадой скрывался банальный страх... Страх за себя и своих родных. Боязнь потерять ту спокойную жизнь, к которой уже привыкли.

Боевые офицеры склонили головы друг к другу и что-то обсуждали, не участвуя в общей риторической вакханалии. Васильев, выслушав Еремина, кивнул и, махнув рукой, позвал Изотова-старшего. Отец Максимыча присоединился к ним и, морщась, как от зубной боли, когда кто-то громко изливал проклятия в адрес неизвестных врагов, стал внимательно слушать доводы военных. Кулуарные переговоры длились недолго. Наверное, Изотов был в основном согласен с друзьями, поэтому тоже кивнул и вышел в центр зала к сыну, подняв руку, призывая таким образом к тишине.

– Ни у кого нет сомнений, что наш караван подвергся на-

правленной агрессии? – в установившейся тишине Сенаторы закивали. – Это война. Двадцать лет мы жили без войны, если такое возможно в этом сошедшем с ума мире. Но у нас не было столкновений с людьми. Теперь есть. Хотите вы или нет – война началась. И если вы внимательно послушали доклад, то сделали вывод, что неизвестный враг не пожалеет никого. Так было с бункером «Кривич», так будет и с нами, если мы будем сидеть в бездействии. Согласно нашим законам, я выдвигаю предложение объявить военное положение. Кто за? – Изотов-старший первым поднял руку, наблюдая, как один за другим члены Сената также выразили свое согласие.

– Единогласно, – констатировал результат голосования Максим Изотов. – Теперь, опять же по нашему закону, военные решения принадлежат полностью военным. Сенат имеет только совещательный голос. Слово предоставляю Сенатору Еремину.

Еремин вышел к столу и посмотрел на лежащие перед ним обломки дротиков с крючковатыми наконечниками из костей ящеров. Один был извлечен из ноги Данилы, второй найден в разоренном бункере.

– Как главнокомандующий, я объявляю военное положение. С этого момента никаких одиночных выходов. И никаких выходов вообще без моего разрешения. Наружные посты усиливаются. В ближайшее время на поиски напавшего на нас племени будет направлен отряд. А судя по вооружению, это именно одичавшие люди, дикари, варвары. Целью

операции будет обнаружение места локализации этих людей и, по возможности, уничтожение.

С места вскочила Кристина Сергеевна:

– Так нельзя – это ж люди, а вы предлагаете... уничтожить. Это ж... это геноцид!

Отец Игнат хмыкнул и поправил массивный крест.

– Все мы дети божьи, и не вправе мы судить, кто прав, а кто нет... кому жить, а кому умирать. Закон божий для всех писан, а ответ мы будем держать перед Ним. Но защита близких и детей малых богоугодное дело! Вот только как бы не перейти грань эту... между защитой и смертоубийством невинных?

– Кристина Сергеевна, отец Игнат, я понимаю ваш гнев и сомнения, но если, как вы выражаетесь, геноцида не избежать, то я бы предпочел, чтобы уничтожено было агрессивное опасное племя, а не мы с вами и не наши женщины и дети, – Еремин поправил камуфляжную куртку, из-под которой выглядывал десантный тельник, и покосился на священнослужителя. – В любом случае мы к этому вопросу еще вернемся. Пока мы не знаем ничего. Ни кто на нас напал, ни где они находятся. Вот для этого и посылаем отряд. Военный совет прошу остаться... остальных Сенаторов не держу, но и не гоню.

Максимыч помялся, раздумывая, уйти или нет, но, видя, что ни один из членов Сената не поднялся, да и его никто не гонит, решил все-таки остаться.

Еремин развернул карту Максимыча и указал на метку, обозначенную сталкером в начале улицы Рыленкова.

– Пошлем отряд сюда. Начнем поиск с места, где было совершено нападение. Дюжины хорошо вооруженных бойцов, думаю, будет достаточно для разведки. Кто поведет?

Васильев раздумывал секунду, но потом уверенно произнес: «Латышев».

– Почему Латышев? Это на нас напали. Я хотел бы довести дело до конца, – не выдержал Максимыч.

Еремин обернулся и посмотрел на сталкера. На его лице явно читалось: «А этот что тут делает»? Осмотрев с ног до головы Максимыча, вздохнул. От взгляда капитана не утаилось ничего. Ни уставшее выражение лица, ни то, как сталкер держит ушибленную в бою руку. Выдержав паузу, главнокомандующий безапелляционно произнес:

– Отряд поведет Латышев. А вам отдыхать, больше не задерживаю.

Выйдя за дверь, Максимыч побрел в сторону дома. Да, он устал. Но это его люди погибли там. Это он не довел караван. Поэтому он обязан быть в этом отряде. Мысли терзали его, но начальству виднее, да и не спорят с ним – себе дороже. Одно успокаивало его. Отряд поведет Латышев – ему он доверял как себе... нет, даже больше. В себе он еще иногда сомневался – в Сан Саныче нет. С этими мыслями, добравшись до дивана у себя дома, он провалился в глубокий сон.

Алинка сидела на своей кровати. Иногда, подскакивая к двери, останавливалась возле нее и, опустив голову, возвращалась назад. Эти метания продолжались уже около двух часов. Как только она узнала, что отряд вернулся, покоя девочке уже не было.

«Ира опять застряла в своей школе, и даже поделиться не с кем. Она все равно не поймет. Заведет опять свою шарманку: «Мы же договаривались не тянуть одеяло на себя». Какое там одеяло?.. Не, не так... если бы это было одеяло. А то Максимка... живой, родной... такой сильный и красивый. Алинка даже покраснела, представив своего любимого рядом с собой. Его сильные руки. И вот он рядом... почти... вернулся из дальнего и опасного похода. Даже Данила, вон, ранен, а эта дура опять в своей школе застряла». Девушка покрутила дельфинчика в пальцах. Подарок Максима придал ей решительности.

– Хочу его увидеть, – она даже не заметила, как произнесла это вслух. Испугавшись крамолы, прижала ладонь к губам, будто запрещая словам вырываться наружу. «Как же Ирка достала со своими детьми! Без нее не пойти».

Алинка вскочила в очередной раз. «А почему не могу? Что я ее слушаю... жду... делюсь»? Взявшись за ручку двери, она снова остановилась. «А что я ему скажу? А вдруг

он спросит, где Иринка, что я ему расскажу, почему одна? Блин...» Она опять вернулась на диван. «Все, не могу больше, лучше бы Ирка сидела здесь, мне бы легче было терпеть или уже бы пошли. Обещала же, что все вместе будем, а сама удрала, бросила меня дома – я теперь маюсь».

Она достала книжку и открыла ее на первой попавшейся странице. Тупо уставившись в текст, она попыталась сконцентрироваться на чтении, но через минуту захлопнула книжку. Нет букв... как будто на каждой странице фотографии Максимки, и на них он то улыбается, то манит рукой, то озорно подмигивает.

«В конце концов, Ирка знает, что он вернулся. Значит, не так уж он ей и нужен. Я на ее месте уже бежала бы не разбирая дороги к нему, а у нее, видите ли, школа. Или она специально так надо мной издевается, а еще сестра, называется. Все, нет сил сидеть на месте, иначе взорвусь!» – с этими мыслями она выскочила из своей комнаты и направилась в сторону лазарета. Идти было недалеко. Оглядываясь, словно совершает воровство, Алинка быстро, семенящей походкой и как бы немного подпрыгивая от нетерпения, пробежала через огромное помещение и потянула на себя дверь с красным крестом. В амбулатории суежилась красивая стройная женщина в белом халате. Из-под медицинской шапочки выбились светлые волнистые волосы, в руках она держала зажим и банку с пахучей жидкостью темного цвета. Обернувшись на скрип двери, она улыбнулась одними глазами.

– Алинка, привет. Заходи. Я тут раненого перевязываю, поможешь?

– Здравсте, тетя Марина. А что надо делать?

– Бикс возьми, а то у меня рук не хватает, – она указала зажимом на железный цилиндрический ящик.

Алинка взяла бикс и пошла за матерью Максима. В перевязочной она увидела крепкого парня со страшной раной на шее. До девушки начало медленно доходить, что раненый из каравана, вернувшегося с поверхности. Именно тот отряд, который вел Максим, и ей стало страшно... страшно за любимого.

– А Максим где?

– Поставь тут, – она указала на железный столик рядом с перевязочным столом. – Спит он, дома. Ты его не буди, он почти двое суток не спал. Ему что-то передать? – обработав прозрачным раствором рану, отчего та зашипела и запузырилась, а парень поморщился, она достала из бикса широкий бинт и, смочив салфетку темной жидкостью из бутылки, проворно крест-накрест перевязала бойца.

«Блин, спит!.. Вот только решишься на что-то большое и глобальное, а он дрыхнет. Неужто все мужики такие?»

Зажав пальцами нос, стараясь даже не смотреть в сторону раненого, девушка прогундосила:

– Передайте, чтоб к нам зашел, как проснется... завтра... часов в двенадцать. «Ирка точно будет в своей школе. Надо ставить точку в этой неопределенности – устала я от нее».

Попрошавшись, побледневшая Алинка выскочила из кабинета, часто и глубоко дыша через нос. Выдерживать такое зрелище она долго не могла. Мама Максимки всегда вызывала у нее восхищение. Как такая хрупкая и красивая женщина могла спокойно смотреть на эти развороченные и гноящиеся раны. И не только смотреть, но и что-то делать: обрабатывать, перевязывать – это было выше ее понимания.

* * *

Максимыч проснулся и долго не мог сообразить, где он находится. В голове вертелись отрывки из сна: какие-то старые темные катакомбы, шероховатые стены, сложенные из древнего красного кирпича, крошащиеся от прикосновений; узкие лазы, сквозь которые приходилось продирааться, рискуя оставить на них шкуру; хлюпающая под ногами воющая грязь. Он бродил по ним, кажется, бесконечно и никак не мог выбраться. Тьма, ужас и вонь. От этой вони он и проснулся. И хотя у него дома пахло травяным чаем, запах из сна настолько сильно вьелся в мозг, что никакой аромат не смог бы его перебить.

– Чертовщина какая-то, – он еще раз огляделся. – Дома хорошо. – Максимыч потянулся и тряхнул головой, чтобы окончательно скинуть с себя дрему и избавиться от впечатлений. Как ему иногда не хватает среди ужасов поверхности этого домашнего уюта и маминой ненавязчивой, но все

обволакивающей заботы. Так хочется скинуть с себя маску крутого сталкера и побыть просто любимым сыном. Этаким суперменом на отдыхе. Натянув форменные штаны, он повесил на плечо полотенце и вышел в амбулаторию.

– А, проснулся. Иди умойся, сейчас отец придет, позавтракаем, – мама возилась со своими склянками. Что-то перебирала, сортировала. Сколько он себя помнил, она всегда с ними возилась – ну, не считая времени, которое они с отцом тратили на лечение страждущих.

Батя был легок на помине. Дверь открылась, и он, как обычно, своей вечно спешащей походкой вошел в медпункт.

– Максим, доброе утро. Выспался? Как ты?

– Ничего, так... Ерунда всякая снилась, от переутомления, наверное. Сейчас позавтракаем, хочу Сан Саныча проводить.

– Опоздал... с час как ушли. Но ты не волнуйся, я, как положено, проводил и платочком вслед помахал, – Максим-старший потер ладони. – Так, что у нас на завтрак?

Мать улыбнулась. Как она любила, когда вся ее семья была в сборе.

– Да, Максим, вчера Алинка заходила. Девчонки зовут тебя к двенадцати.

– А сейчас сколько?

– Так уже почти...

– У-у-у, тогда я побежал, – Максимыч плеснул себе в лицо воды из умывальника и надел футболку.

– Куда? А завтрак? – Мать всплеснула руками.

– У девчонок поем. Раз зовут, наверное, что-то приготовили, – отмахнулся он, чмокнул мать в щечку и выскочил из комнаты.

* * *

«Блин, как страшно-то!» То, что она задумала, было сродни выходу голой в открытый космос. «Так же, наверное, холодно. Или меня от нервов так трясет». Алинка натянула одеяло на нос. «Голой... Я и есть... Сижу как дура, голая, а он не придет. Вот Ирка ржать надо мной будет, когда увидит меня такой». Не то чтобы у нее совсем не было опыта в этом вопросе. Какой-никакой, а имелся. У Иринки – и этого не было. Правда, положила руку на сердце, она тогда толком и не поняла, что было... Зато очень хорошо помнит, какими щенячьими глазами смотрел на нее после этого Димка. Да, он ей тогда нравился, может, даже очень нравился, и она позволила ему чересчур много... или не чересчур? В общем, этот опыт ей нисколько не повредил и не мешал, а девушка нисколько не жалела о его приобретении. И пускай Димка ходит теперь, как бледная тень, но он для нее старый уже – старше на целых пятнадцать лет. Вот если бы Максим так смотрел на нее... За такой его взгляд она отдала бы все на свете. Эта мысль и подтолкнула к выводу, что метод надежный и приведет к нужному результату. Чего же тогда такой

мандраж?

В дверь постучали: мягко, но в то же время уверенно. Так стучит только Максим.

– Да... входи, – голос подвел и прозвучал неожиданно высоко. В горле поселился ежик, и, судя по вытарашенным иголкам, бедное животное было сильно напугано.

Дверь приоткрылась, и в небольшую комнатку зашел Максимыч. Увидев, что на кровати сидит Алинка, кутаясь в одеяло, он взволнованно спросил:

– Ты что, заболела?

Девушка помотала головой и, прокашлявшись, осиплым голосом коротко ответила:

– Нет.

Она секунду раздумывала, уткнувшись носом в укрытые колени, и наконец решившись, широким жестом откинула одеяло в сторону и встала перед Максимом, открыв ему совершенно нагое тело.

Ошарашенный парень моргал округлившимися глазами, после чего пробурчал себе под нос:

– Ничего себе пришел покушать!

Алинка трясущейся походкой подошла к Максиму и приникла к нему всем телом, положив голову ему на плечо. Максимыч, повинувшись какому-то порыву, обнял ее за голые плечи, чувствуя, как она дрожит под его ладонями.

За спиной у Максима послышалось удивленное восклицание-вздых. Алинка подняла голову с его плеча и замерла.

«Все, попались! Вот принесла же ее нелегкая в самый интересный момент... Может, и к лучшему». В дверях стояла Иринка. Глаза ее были расширены от удивления, а рот она прикрывала рукой. Но девушка недолго стояла в шоке – через секунду в ее глазах заискрился гнев, поджав губы, Ирина захлопнула за собой дверь и, резким движением отодвинув в сторону Максима, остановилась напротив сестры, уперев руки в боки.

– И как это понимать, сестренка?

– А что тебе непонятно, сестренка?

– Мы же с тобой договаривались «не тянуть на себя одеяло», а ты вообще вон что удумала.

– Да, и удумала. Потому что... Потому что я его люблю! И он меня любит!

– Девочки, девочки, не ссорьтесь, – Максимыч попытался влезть между двумя разъярившимися фуриями, но тут же был откинут снова, причем уже двумя одновременно. Вообще картинка выглядела бы смешной: две одинаковые, как отражения в зеркале, девушки, только одна одетая, а другая голая, стоят друг напротив друга и, испепеляя противницу взглядом, делят парня. А у того только и мысли – как бы это ускользнуть из комнаты, чтобы не получить от обеих. – Эту бы энергию, да в мирных целях.

– Заткнись!!! – закричали они на него синхронно, как будто репетировали целыми днями.

– И вообще, ты во всем виноват. Давно бы уже сказал, кто,

и не было бы всего этого... – Ирина указала на обнаженную грудь сестры. – Оденься.

– А вот и не оденусь! – с вызовом воскликнула Алинка. – И вообще, ты тут лишняя.

– Лишняя? А ничего, что это и мой дом? Я тебе покажу сейчас, кто тут лишний! – с этими словами Ирина угрожающе стала надвигаться на сестру.

В этот момент в дверь постучали, и голос Кристины Сергеевны произнес: «Девочки, у вас все хорошо»?

Алинка, услышав голос, юркнула под одеяло и стала там судорожно одеваться. Медленно дверь отворилась, а за ней собрались, наверное, все свободные жители жилого сектора. Они с опаской заглядывали в комнату, ожидая, наверное, обнаружить там море крови и кучу ломаных костей. Девушка выглянула из-под одеяла, но, увидев столько настороженных глаз, уставившихся на нее, взвизгнула и нырнула обратно.

– Ну, я пойду, пожалуй, – Максимыч протиснулся по стеночке мимо Иринки к двери, но уперся в строгий взгляд Кристины Сергеевны и почувствовал себя нашкодившим школьником.

* * *

Они стояли посреди зала собраний, действительно как нашкодившие школьники у директора. Только директор был не один... собралось их аж четверо – все начальство убежища

«Измеритель» во главе с Ереминым. Больше всего Максимычу было видеть отца. Тот сидел, потупив взгляд, как будто и он должен стоять среди скандалистов. Кристина Сергеевна, поджав губы, поглядывала на Еремина, но первым заговорил Иван Завьялов:

– С этим бл... – он покосился на Кристину Сергеевну, – безобразием надо что-то делать! Сколько можно терпеть этот амур де труа? Сейчас они друг другу волосы повыдирают, потом поубивают, а потом что? Пойдем бункер на бабскую и мужскую половины делить? – он откинулся назад, опираясь на стену, многозначительно и важно надувая губы.

Вот не зря Максимыч его недолюбливал. «Скользкий и зубастый, как удильщик в озере. Стоит только протянуть ему палец – можешь не сомневаться, оттяпает. Правильный, как параллельный пипет, все должно быть только так и никак иначе. Дальше своих цифр ничего не видит». Справа от Максима захлопала носом Алинка, Ирина, наоборот гордо вскинула голову и уничтожающе посмотрела на Завьялова, отчего тот нервно заерзал на скамейке.

– Ирочка, но как ты могла, мы тебе детей доверили, ты же учитель! – Кристина Сергеевна, видя ещё «не остывшую» Иру, пыталась ее вразумить. – Это же твоя сестра. После того как ваша мама умерла, это единственный твой родной человек! – с каждым словом голова Иры опускалась все ниже и ниже, а через некоторое время она тоже украдкой вытерла глаза.

Ирина не испытывала угрызений совести. Более того – повторись такое, она бы не ограничилась только угрозами. И не посмотрела бы ни на сестру, ни на Максима, ни на этого напыщенного Завьялова. Слезы сами у нее потекли лишь при упоминании о матери, никто не знал, как она скучает о ней. Алька всегда была, как говорила их мама, «в поле ветер, в жопе дым», а маминой дочкой была Иринка. Ее смерть, такая неожиданная, настолько шокировала девушку, что та до сих пор, хотя прошло уже больше десяти лет, не смогла смириться с ней. А тут, когда Иринка стала только немного отходить от шока, когда в ее мыслях появился Максим, – такая подлость от родной сестры.

«Ненавижу. Никогда не прощу. И еще этот увалень стоит, глазами лупает. Повелся на голые грудь и задницу. А кроме этого у нее ничего и нет... да у меня и не хуже, а может, даже и лучше». Она опять вытерла слезы и гордо вскинула голову.

– Я вижу выход из ситуации только такой, – Егоров встал и посмотрел на Максимыча. – Дабы не смущать умы молодежи и не рушить устоявшуюся мораль, предлагаю: в месячный срок Максиму определиться с выбором. И чтобы отвергнутая не имела никаких претензий... ни к кому. И более не добивалась внимания. Считаю, что так будет наиболее справедливо. Не смею больше задерживать, – последняя фраза касалась провинившейся тройцы, после чего они, красные, как вареные раки, выскочили из комнаты.

«Легко сказать месяц на выбор спутницы всей жизни. Три

года выбрать не мог, а тут на тебе с барского плеча месяц, и все – хоть стой, хоть падай». Максимыч брел по коридору в сторону лазарета. Девчонки, как две насупившиеся белки, юркнули в свою светелку. Что там будет между ними, парень даже представить себе боялся: «Как бы действительно не побивали друг дружку, а то и выбирать будет не из кого. Конечно, подставили они меня по полной. Алинка отчудила, но от нее этого хоть можно было ожидать, а вот Иринка просто «убила». Всегда такая правильная, спокойная, я даже подумывал, что в ней, как в рыбе холодной, эмоций в принципе не бывает, а тут ураган... вулкан... А до чего же она красива в гневе: глазища горят! Да, Алинка была как бледная тень по сравнению с ней, несмотря на то, что голая», – Максим вспомнил ругающихся сестер и себя, с глупым видом жмущегося у стеночки, и, осознав комичность ситуации, невольно заржал.

– Да, надо определиться с выбором, – повторил он слова Егорова. – А то засмеют на все убежище.

* * *

Сутки о каком-либо выборе речи не шло. Сплошное чтение морали, с перерывом на прием пищи и сон. Какое там засмеют, уже был бы рад, если бы кто и поржал. Выдержать бы натиск нравоучений от матери и скупого сопения от отца, когда он был дома. Лучше бы наорал, что ли, как в дет-

стве. А то надулся, как сыч, и молчит. В конце концов Максимыч не выдержал и удрал из дома. Побродив по убежищу, попытался разузнать новости об ушедшем отряде – ни слуху ни духу. Правда, еще рано. Раньше трех-четырех суток они вряд ли о себе дадут знать. Перетолковав со сталкерами, навестил Данилу, который сидел на домашнем лечении. Тот выглядел вполне здоровым и довольным жизнью и не преминул подколоть Максимыча, показав, что уже в курсе последних событий. Получив свою дозу шпилек от скорого на острое словцо Данилы, решил все-таки сходить к девчонкам и поговорить...

Сестер дома не было. Жизнь такая штука – самый короткий путь не есть самый правильный. Потоптавшись возле запертой двери, соображая, что же теперь делать, Максим трезво рассудил: Алинку черт может носить где угодно. Может, ее смена на плантациях, а может, и просто от народа прячется, но не факт. А вот Иринка точно в школе – где же ей быть? «Все-таки глупо получилось. Надо бы извиниться перед ней, объяснить...» Даже не заметил, как ноги понесли в сектор, где обосновалась школа.

Путь к школе был хожен-перехожен. Максимыч остановился возле нацарапанного на стене и тщательно затертого слова и улыбнулся. Тогда ему было не до улыбок. Он стоял бледный, наматывая сопли и слезы на кулак, боясь поднять глаза на разгневанное лицо отца. А рядом стояла Татьяна Владимировна, мама близняшек и их учительница по

совместительству, заловившая его за непотребным занятием. Детей тогда было раз-два и обчелся, и взрослые отрывались в воспитании на их великолепной пятерке по полной. А Максимка, как самый старший, огребал больше всех. Потому и прослыл хулиганистым. Но именно этот момент, а также обучение под крылом Латышева и позволили стать лучшим сталкером из молодежи.

Приоткрыв дверь, он заглянул в помещение класса. Иринка стояла возле доски, прикрепляя к ней смолой бумажные листы. На одно мгновение Максимычу показалось, что он вернулся в прошлое, когда он, опаздывая, осторожно заглядывал в щелочку, а Татьяна Владимировна, под хихиканье Алинки и осуждающие взгляды Иринки, заводила его в класс. Иринка стала очень похожа на свою мать... все «подобрала»: и стать, и жесты, и даже покусывает губу. Оглянувшись на скрип, Иринка нахмурилась, и парень почувствовал себя нашкодившим учеником.

– Я посижу в классе? – Максимыч виновато улыбнулся.

– Да, конечно, только, чур, не мешать.

Максимыч прикоснулся указательным пальцем к губам и развел руки, мол, понимаю – буду молчать. Чуть ли не на цыпочках прошел в конец класса под пристальными любопытными взглядами десятка ребят. С удивлением обнаружил своего отца на последней парте и, помявшись (не уйти ли?), сел рядом с ним.

– Дети, тема занятия: «Первые дни – как все это было». И

сегодня у нас в гостях очевидец и непосредственный участник этих событий, Сенатор Максим Изотов.

Изотов-старший встал и прошел между партами, остановившись возле учителя. Смущенно улыбнувшись, он прокашлялся и поздоровался: «Здравствуйте, дети».

– Сенатор нам расскажет, что тогда происходило. Как он это запомнил и увидел.

Максимыч с удивлением смотрел на отца, он не ожидал, что его папа кроме лечения больных и заседаний в Сенате взвалил на себя ещё и такую общественную нагрузку. К своему стыду, он никогда не слышал этой истории от начала до конца, и все его знания базировались на разрозненных отрывках и рассказах разных людей. У него даже не возникало мысли раньше послушать историю отца, и он не заметил, как бархатный, немного уставший голос погрузил его в далекие события.

Часть вторая

Начало

Глава 7

«Как я тут оказался?»

«Как я здесь оказался? Почему я здесь? Почему я оставил их там и один отправился ставить эту треклятую машину?»

Вопросы! Вопросы! Максим задавал их себе, наверное, тысячу раз с того самого дня, часа, минуты, которая разделила его жизнь на «до» и «после». Ответы были просты – судьба, рок, предназначение. И с этим он ничего поделать не мог. Да и никто не смог бы...

* * *

Этот солнечный день июля встречал их утренней прохладой, напоминая о прошедшем ночью дожде. Посовещавшись и посмотрев в окно на хорошую погоду, семья, а это врач, его супруга и сын Максимка, решила отметить выходной пикником. Излюбленное место всех смолян – «Красный бор». Сын настоял, чтобы они взяли с собой еще и кота, увесисто-

го сияма с наглой мордой и мнением, будто весь мир крутится вокруг него и, как минимум, хозяева обязаны своим счастьем исключительно ему. Сосновый бор, шашлыки, мяч, бадминтон... Вдоволь наевшись, нагулявшись по лесу и наигравшись в подвижные игры, они осмотрели местную достопримечательность – вход в подземное убежище «Беренхалле», что в переводе с немецкого означало «медвежья берлога», а в народе называлось не иначе как «бункер Гитлера». Сына из всей программы прогулки больше всего впечатлило это мрачное серое сооружение из бетона с ржавыми массивными петлями от когда-то висевшей на них толстой стальной двери. Оставив в покое кота, который находился в эстетическом шоке от обилия объектов охоты, он с почтением притронулся к холодной стене сооружения.

– Папа, а что это за дом?

– Это вход в подземное убежище, немцы построили во время войны.

– А туда можно спуститься? – и, видя, что отец улыбается: – Ну, пожалуйста.

– Нет, Максимка. Там все разрушено и затоплено. Вот только входы и уцелели.

Смирившись с неизбежным отказом, сын со вздохом ответил:

– Жаль, а я хотел бы туда попасть.

– Ладно, хватит гулять, поехали домой. Не расстраивайся. Вот вырастешь большим, станешь археологом и откопаешь

его. Тогда и побываешь.

Всю дорогу назад, до автостоянки, сынишка рассуждал о предложенной ему программе жизни. Предварительно узнав о том, кто такие археологи и чем они занимаются, мечтал, какие великие открытия он сделает, раскопав «бункер Гитлера».

Накатавшись, Изотов высадил всю группу, издали похожую на выездной цирк, возле КПП завода, где имел счастье ставить свой семейный автомобиль на платной стоянке, и отправился парковать машину. Как он сожалел, что не взял их с собой! Сколько бы отдал, чтобы вернуть этот миг.

«Измеритель» – этот завод, как гласила вывеска, принадлежал агентству «Росавиакосмос», и как любое учреждение, частично или полностью относящееся к обороне, имел на своей территории серьезное бомбоубежище. Крытая автостоянка находилась как раз напротив центрального входа в это подземное сооружение. Еще подъезжая к ней, Максим заметил какое-то «нездоровое» оживление военных возле входа в бункер. Двери были открыты нараспашку, и туда быстрым шагом, довольно организованно, с разных сторон сходились рабочие из цехов, и какой-то бравый лейтенант с противогазной сумкой через плечо активно «дирижировал» руками, подгоняя отставших от основной группы молодых девчонок в рабочей униформе.

– Очередные учения, наверное, – подумал Изотов с усмешкой, проезжая мимо.

Припарковав машину, прогулочным шагом пошел к выходу с территории, пытаясь отзвониться жене.

– Странно, не работает, – на экране даже не было знака сети. Остановившись, он стал внимательно рассматривать телефон. – Может быть, сломался? Только этого еще не хватало. – От изучения сотового его отвлек окрик дежурного возле входа.

– А ты что стоишь, едрить-модрить тебя, давай быстрее, уже закрываем.

От неожиданности Изотов даже не понял, что это к нему обращаются.

– Вы мне? Я же не сотрудник завода.

– Давай быстрее. Потом разберемся, кто чей сотрудник. У меня приказ: всех с поверхности – в убежище.

Повернув в сторону входа, он ускорил шаг под «любящим» взглядом военного. Все это походило на игру, в которую втянули против воли.

– Командир, давай ты меня не видел. Я потихонечку сейчас прошмыгну, и все. Меня там жена с ребенком ждут.

– Да не выпускают тебя через КПП, дурья твоя башка, у нас же «Атом», – и для пущей убедительности поднял палец вверх.

Посмотрев на указующий перст и светлые кучевые облака, в которые он «упирался», Максим с обреченностью преступника поплелся в сторону открытых дверей убежища. За спиной лязгнули массивные двери гермозатвора, а впереди

он увидел длиннющую с несколькими пролетами лестницу, ведущую вниз.

– Давай-давай, топай, – сказал лейтенант в спину. – Посмотришь на нашу достопримечательность, раз тебе так повезло.

– Извините, а это ненадолго? – с надеждой спросил он. И про себя подумал: «Сдалась мне твоя достопримечательность, мне эти подземелья еще в армии надоели».

– А вот это не ко мне, может, через пятнадцать минут отбой дадут. А может, и через два часа, – сказал лейтенант с ухмылкой.

– Нет, на два часа я не согласен, у меня дела, – Максим остановился и сделал робкую и безуспешную попытку вернуться назад, наткнувшись на широкую фигуру военного.

Заведя Изотова в просторное помещение и закрыв вторые гермодвери запором, который напомнил виденный в кино на подводных лодках, лейтенант уселся за стол с табличкой «Дежурный» рядом с выходом. Первое, что поразило, – это огромное количество людей. На первый взгляд, человек под сто. Все выглядело достаточно спокойно. Кто-то сидел, кто-то стоял и разговаривал со знакомыми. Видно, что подобное мероприятие им не в диковинку. Все помещение было занято длинными столами с какой-то электроникой, по бокам вдоль стен стояли широкие скамейки. Изотов, как человек здесь посторонний, скромненько присел на крайнюю скамейку прямо около выхода. И стал терпеливо ждать окон-

чания мероприятия, к которому не имел никакого отношения. Попробовал еще раз позвонить. Да где там, если на поверхности связи нет, то здесь, на глубине десяти метров под землей, да за бетонными стенами, тем более не будет.

Время тянулось отвратительно медленно. Казалось, что прошло больше часа, но, посмотрев на часы, увидел, что прошло всего тридцать пять минут. От бездействия и монотонного гудения вентиляции Максима потянуло в сон.

– Не хватало здесь еще заснуть, – встрепнулся он.

Посмотрев вокруг, начал разглядывать обстановку. В огромном зале или комнате народ стал как-то тревожно перешептываться и с надеждой поглядывать на военного. Видимо, в их планы тоже не входило проводить такое количество времени в хоть и комфортабельном, но все-таки подземье.

В воздухе витала всеобщая мысль: «Что-то уж слишком долго не дают отбой». И в это мгновение произошло несколько событий почти одновременно. На столе у дежурного зазвонил телефон. Люди активизировались, справедливо полагая, что пора бы и закончить надоевшее учение. Лейтенант взял трубку, внимательно выслушал, что ему говорят, после чего сказал в ответ короткое: «Да». После этого, с позволения сказать, разрешения как по команде выключился свет, довольно серьезно тряхануло, на поверхности что-то загрохотало, а с потолка на головы людям посыпалась штукатурка. Поднялся невообразимый шум. Зазвенел пронзи-

тельный звонок, включилось красное аварийное освещение.

Сидя в оцепенении на празднике шума и хаоса, наверное, именно в этот момент Изотов и понял, что привычный мир, который он знал и любил, рассыпался, как карточный домик, и возврата в прошлое уже не будет никогда.

* * *

Тишина. Оглушающая тишина. Где-то впереди помещение тускло освещается красной лампой аварийки. Вокруг молча сидели люди. Максим осмотрелся. Вроде больших разрушений не видно. Рядом разместился за столом лейтенант, тупо уставившись на трубку телефона, которую он продолжал держать в руке. Мысли скакали, как породистые лошади на ипподроме.

Сколько прошло времени? Что произошло? Где семья? Надо успокоиться, а то совсем конец. Сердце пыталось выскочить наружу, чтобы лично во всем убедиться, а за ним спазмом отвечал желудок. Если верить стрелкам часов, то прошло где-то минут тридцать. Это говорило о том, что в ступоре Максим находился не больше четверти часа.

Осторожно поднявшись, он стряхнул пыль и мелкие частички штукатурки с головы и плеч и, подойдя к лейтенанту, потряс его за плечо. Тот медленно повернул голову и непонимающе уставился на вопрошающего.

– Лейтенант, ты здесь главный? – он потряс его снова. –

Как зовут тебя?

– Витя, – в глазах у военного стали появляться признаки работы мозга.

– Вот что, Витя, у тебя здесь генератор должен быть. Виктор, соображай быстрее, электричество надо, а то задохнемся.

– А что случилось? – Виктор начал шевелиться, стряхивая с себя пыль.

– Да не знаю я, что случилось – ты мне об этом должен сказать. Тут кто, кроме тебя, из обслуживающего персонала есть?

– У меня тут пять бойцов, – он вскочил и побежал куда-то в сторону бокового коридора. – Сергеев, ты где? Врубай генератор.

Через пару минут послышалось тарахтение двигателя из соседнего коридора. В комнате засветились лампы, сначала слабо, а затем все ярче и уверенней. Люди оживились и стали переглядываться. Кто-то поднялся и стал стряхивать с себя пыль. Послышался детский плач.

– Господи, откуда здесь дети? – сердце защемило, тревога за семью, которую Изотов оставил перед проходной, не отпускала. Метрах в десяти от себя он увидел молодую женщину, которая прижимала к себе плачущего маленького мальчика лет четырех. Рядом сидел мужчина и держал на руках девочку, чуть постарше брата, чумазую и со смешными косичками.

Откуда-то сбоку из коридора вышел Виктор. Весь пыльный. Угрюмый. Первый раз Максим его толком разглядел. Это был невысокий коренастый молодой человек лет двадцати пяти, на его простодушном скуластом и курносом лице читалась крайняя озабоченность. Осмотрев зал, решительно направился в сторону Изотова. Не понятно, с чего он проникся к нему таким доверием?

– Дизеля, у нас их два, рабочие. Один завели. Так что свет, вентиляция будет. Соляры тоже пока хватает. Полные баки, как раз перед тревогой проверял.

Он подошел к телефону и послушал в трубке.

– Не работает.

– А что тебе перед обвалом сказали? – спросил Максим.

– Да спросили: «У вас все нормально?» – Было...

Повисла тяжелая пауза, которая еще больше нагнетала тревогу.

– Так что случилось? – прервал Изотов затянувшееся молчание.

– Хороший вопрос. Однозначно могу сказать, что завалило запасной выход, но не сильно, откопаться можно. Основной выход, скорее всего, тоже завалило, но еще не смотрел. Причину не знаю, – опередил он Изотова ответом, увидев, как тот открыл рот для вопроса. – Вентиляция работает, значит, вентиляционные шахты свободны. Сейчас посмотрим основной выход и будем решать, что делать дальше.

Они попробовали повернуть затворы, но те стояли на-

смерть. Наверное, гермодверь деформировалась, и ее заклинило. Не помогла даже помощь двух крепких мужиков, наверное, рабочих.

– Да, заклинило, – подвел итог тяжелых трудов Виктор. – Дверь запасного выхода я хоть открыть смог, но там завал. Надо разбирать. Ты кто по профессии? – спросил он у Изотова.

– Врач, – ответил тот.

– Ну вот, тебе и карты в руки. Я пойду, фильтры посмотрю, чего-то у меня сильно плохое предчувствие, а ты народ собирай. Посмотри, может, кому помощь нужна. Я тебе в подмогу бойца дам.

– Латышев! Иди сюда, – громко позвал он и махнул кому-то рукой.

К ним подошел молодой паренек в нескладно сидевшем на нем камуфляже. Кивнул коротко стриженной головой новобранца и, жизнерадостно улыбаясь, представился: «Саша». Видимо не осознав всю серьезность нашего положения, воспринимал случившееся как приключение или игру.

– Учю, учю дурака. Сашей ты своей девушке будешь представляться, а в армии ты рядовой Латышев, – покачав сокрушенно головой, офицер протянул ему толстенную амбарную книгу. – На тебе журнал и ручку. Ходи за доктором, записывай фамилии и профессии. И нумеровать не забывай, чтобы потом посчитать.

Процесс переписи занял почти два часа, слава богу, по-

страдавших не было: всех попросили никуда не разбредаться (хотя куда денешься из закупоренного убежища?), поскольку сейчас будет объявление. Результат совместного труда был такой: в убежище находилось сто сорок семь человек: девяносто две женщины и пятьдесят пять мужчин. Из всего этого количества еще двое детей – мальчик четырех лет и девочка шести лет. Это молодая пара с двумя детьми, так же, как и Максим, парковали машину и были эвакуированы с поверхности. Немного, если учесть, что на заводе работало несколько тысяч человек. Основные профессии людей – это рабочие; одна медсестра – женщина в годах, из амбулатории завода; три инженера во главе со старшим. Что касается семьи – муж оказался менеджером, а жена юристом. Под командованием лейтенанта было пять бойцов, из которых два молодых, только что прошедших учебу. В задачу солдат входило обеспечение жизнедеятельности убежища. Вот такой расклад.

Вышел еще более угрюмый лейтенант. Внимательно просмотрел представленный нами список и выдал резюме: «Хреново». Вывод этот предназначался не тому, что он прочитал, а каким-то своим мыслям – скорее, всей ситуации в целом. После чего залез на ближайший стол, чтобы его было видно всем, и, окинув народ мрачным взглядом, произнес:

– Значит так. Сразу скажу, что достоверной информации о том, что произошло, у меня нет. Так что буду говорить только то, что знаю точно. У нас завалило оба выхода. Главный – наглухо, запасной можно откопать. В остальном убе-

жище полностью цело и жизнеспособно. Запасов хватит надолго, так как оно рассчитано на тысячу человек в течение года. Нас в шесть раз меньше. И еще, самое плохое, – он сделал паузу. – Я только что проверил фильтры, они излучают слабую радиацию. Это означает, что радиационный фон на поверхности повышен. Посему я делаю вывод, что по нашему городу было применено ядерное оружие. Кем, почему – не знаю. Никакой связи ни с кем нет. Рассчитывать мы можем только на себя. Текущей задачей считаю восстановить запасной выход и наладить связь с соседним убежищем.

«Радиация! Ядерное оружие!! Соседнее убежище!!!» – слова были все страшнее и страшнее, но последние прозвучали, как надежда, развеивающая тревогу.

– А где соседнее убежище? – спросил Изотов лейтенанта.

– Под основным корпусом, вход рядом с КПП. Оно больше нашего.

Они были возле проходной. Они могли спастись! Нет, должны были спастись, просто обязаны!!! – Мысли опять заскакали у Максима в голове. Народ тихо роптал, обсуждая услышанную информацию. Многие женщины плакали. Оцепеневшие здоровые мужики стояли с отсутствующим взглядом. Все переживали за своих близких и родных, понимая, что шанс увидеть их живыми очень невысок. Безжалостная правда не оставляла места надежде. Даже жизнерадостный рядовой Латышев, наконец осознав масштабность происходящего, сидел возле стены, накрыв голову руками, и, похо-

же, ревел, как мальчишка.

* * *

С момента катастрофы прошло около суток. Эмоции улеглись. Но какие это были сутки! Оглядываясь на двадцать четыре часа назад, Изотов мог сказать, что только огромное количество работы, навалившееся тяжелым грузом, спасло его от сумасшествия. В первые часы после ошеломившего всех известия, огромное помещение превратилось в царство скорби и рыданий. Куда ни кинь взгляд, везде натыкаешься на собравшихся в группы женщин и мужчин, тихо плачущих, а иногда и завывающих в голос, причем независимо от половой принадлежности. Временами то один, то сразу несколько мужчин кидались к заблокированному выходу в тщетной попытке открыть его.

Врач метался от одной группы к другой, и на пике этой всеобщей истерии, как ушат холодной воды для всех, прозвучало известие о смерти Валентины Семеновны – единственной медицинской сестры. Пробравшись среди монтажных столов к амбулатории, находящейся в отдельном закутке, и только увидев ее перекошенное лицо, Изотов констатировал инсульт. Дышать в помещении становилось все тяжелее. Видимо, какие-то повреждения в вентиляционной системе все же были. И не удивительно. Удивительно было другое, почему все еще живы.

Этот вопрос, а точнее его несправедливость (почему мы живы, а все родные и близкие превратились наверху в радиоактивную пыль?), постоянно занимал умы всех находящихся внутри убежища. В голову закрадывалось простое решение проблемы – покончить с этим одним махом. Не только Максиму приходило на ум такое решение прекращения мучений.

В ответвлении коридора нашли двух повешенных на собственной одежде. Мужчина и женщина. Никто и не заметил, как они уединились. Да и никому, по большому счету, не было до них никакого дела. Наверное, это случилось, пока врач возился с Валентиной Семеновной. К тому моменту, когда их обнаружили и экстренно позвали его, сделать уже ничего было нельзя.

Не прошло и нескольких часов, а небольшая группа выживших уже несла потери. Если хочется выжить, этому царству слез надо немедленно положить конец. Работа и только работа может заставить человека захотеть жить.

Виктор организовал группы по обустройству нынешнего жилища. Он бегал за каждым, понукая, и ругаясь, находя каждому дело, и не отставал, пока человек не включался в работу. Не успокоился, пока все вокруг не превратилось в копошащийся муравейник. Мало кому было заметно, что тем самым он успокаивал, прежде всего, себя.

Виктор сидел в комнате, которая изначально задумывалась как инженерная или проектная. На стенах висели какие-то электронные схемы, под потолком светила тусклая лампочка накаливания. Начальник обосновался в этой комнате сразу, как только утихли страсти. Максим зашел к нему, собственно, обсудить, что делать с телами умершей и погибших. В замкнутом помещении наличие разлагающихся тел будет большой проблемой.

– Садись, как зовут-то тебя? – спросил он, пододвигая Изотову стул.

– Максим.

– Ну что, Максим, я вижу, что ты вполне разумный человек, и буду с тобой максимально откровенен. Все мы в большой заднице. Хотя продуктов и воды у нас пока хватает, а вот топлива при этом расходе всего на месяц, и то в режиме жесткой экономии. За это время надо пополнить его запасы. Связи с основным бункером нет, а там все мое начальство. Не решим эти проблемы – тогда все! Что ты по этому поводу думаешь?

– У меня, прежде чем я что-то скажу, есть вопросы. Скажи, этот телефон на столе – связь с основным бункером?

– Да.

– А далеко основной бункер?

– Ну, метров сто—сто пятьдесят на восток, – лейтенант неопределенно махнул рукой куда-то в сторону.

– И прохода к нему нет?

Он молча кивнул. Затем подумал и сказал:

– Туда ведет кабельная шахта, труба железобетонная, диаметром сантиметров десять. По нему и идут телефонный и электрический кабели.

– Расскажи мне про основной бункер.

– С чего начать-то? Под основным корпусом, ну ты видел, справа от КПП четырехэтажное здание, и за ним цеха. Под всем этим, больше, чем периметр здания, подземное сооружение двухуровневое, в основном цеха, как и наш, рассчитано максимально на две тысячи человек. Входы – один в здании. Другой рядом с КПП. Есть еще один со стороны клуба.

Максим молча выслушал информацию и на некоторое время задумался.

– Значит, так. Надо разбирать завал и пытаться дойти до основного бункера. Это реально. Что у нас с противорадиационным снаряжением?

– Двадцать комплектов ОЗК, двадцать противогазов.

– Значит, дойдем. И потом, у нас дизеля на любом топливе работали. А эти?

– Что значит – у нас? Ты же врач.

– Да, врач. Просто я служил в армии. В подобном бункере.

– А-а-а. То-то я смотрю, ты слишком много про бомбоубежища знаешь. Да, работает на всем, что горит. Но лучше,

конечно, солярка или бензин.

– Короче, надо откапываться. Наверху куча автомобилей на стоянках. Вот тебе и топливо, но экономить надо, в этом я с тобой согласен. У меня к тебе еще один вопрос. Как ты знаешь, у нас есть мертвые тела. Куда трупы-то девать? Этот вопрос более важен на данный момент, чем топливо. Они через день разлагаться начнут, тогда все на улицу побежим, несмотря на радиацию.

– Да. Об этом я и не подумал. Ну, пока положим их в пакеты, герметично упакуем, а как выход откроем, тогда и похороним. Других вариантов нет.

На том и порешили.

* * *

Процесс разбора завала в запасном выходе занял целую неделю. Хотя гермодверь открылась без проблем, сразу за дверью на площадке рухнул целый пролет лестницы и помещение предстало заполненным смесью из железобетона и металла колодцем. Сразу встал вопрос, куда выносить строительный мусор. Под это отвели комнату рядом с выходом. Железобетонные перекрытия пришлось разбивать кувалдами, арматуры перепиливать ручной ножовкой. Дело это трудоемкое и утомительное, но так как организовали смены из всех желающих, включая женщин, которые занимались выносом строительного мусора, дело медленно, но верно про-

двигалось вперед. После того, как убрали весь завал, оказались перед новой проблемой. До ближайшей площадки, которая была над ними в пяти метрах, надо еще добраться. На общем собрании решили, что не стоит строить временку, а лучше сразу соорудить капитальную лестницу. Материалом для нее послужит часть металлических столов из основного зала. Инженеры рассчитали проект, но для его выполнения требовались детали, которые возможно было сделать только на токарном станке. После долгих пререканий с применением веских аргументов с обеих сторон, Виктор согласился завести второй дизель. Для того чтобы запустить токарный станок, требовалась большая мощность. Все время, пока токарь вытачивал детали крепления лестницы, лейтенант стоял «над душой», периодически многозначительно поглядывая на часы. После этого еще целый день сокрушался, что всего за час сожгли соляры на неделю. Еще день инженеры собирали лестницу. Она получилась надежной и прочной и не уступала своей железобетонной предшественнице. Выход на поверхность назначили на следующий день.

На собрании решили, что для выхода нужно создать две группы. Одна должна будет набрать из машин бензин, поскольку вопрос топлива действительно стоял очень остро, а вторая – пробраться в сторону запасного выхода основного убежища. В группы решили набрать по пять человек. Все участники выхода на поверхность собрались в комнате лейтенанта, склоняясь над большой схемой территории завода.

Они прорабатывали план выхода несколько раз, до мельчайших подробностей, но все равно оставались нерешенные вопросы. Никто и не представлял себе, как изменилась поверхность, поэтому план все равно придется менять по ходу возникновения проблем, а что они возникнут, никто не сомневался. Жутко было представить, что там можно увидеть. Воображение рисовало горы покалеченных тел и раскатанные в порошок знакомые здания. А еще перед глазами почему-то стояла обожженная вьетнамская девочка и тени людей Хиросимы после взрыва.

– А бензин куда набирать? – спросил, прервав мысли Изотова, Сергей Тимофеев, инженер, который спроектировал лестницу. Его назначили старшим группы по сбору бензина.

– Меня больше интересует не куда, почти в каждой машине есть канистра, а как? – задумчиво произнес Максим. – Я как-то смутно себе представляю, как в ОЗК и в противогазе слить бензин из бака автомобиля. Под машину не подлезть, шлангом не откачать.

– Да, проблема. Ты теперь наш местный бензиновый магнат, на месте тебе и думать. Хотя... – почесав затылок, сказал Виктор. – Значит, так, ваша группа берет монтировку, чтоб багажник вскрыть, затем топорик, чтобы бак прорубить, и надо какой-то поддон, а лучше два, куда бензин сливать. Других идей нет. Вторая группа берет лом и кувалду, вдруг какой завал надо разобрать. Каждой группе даю по счетчику Гейгера. Все, ложимся спать. Завтра в девять ноль-

ноль выход. Чтоб все выпались!

* * *

Место для проживания врачу выделили возле лазарета. Как-нибудь потом он решил оборудовать там что-то вроде комнаты, но пока довольствовался медицинской кушеткой. По сравнению с другими это было царское ложе. Остальные выжившие спали на чем и как придется. Заснуть сразу Изотову так и не удалось. Добравшись до кушетки, Максим решил произвести ревизию своих вещей. Черная брезентовая сумка на молнии, две шариковые ручки, перочинный нож с двумя лезвиями, кошелек, расческа, паспорт, детская одежда. Не густо. Нож он положил в карман джинсов. Одежда Максима – пригодится ли она ему еще? Где же вы?! Водолазка еще хранила запах сына. В сердцах врач бросил ее в сумку, слишком большую боль это все ему сейчас приносило, а сумку кинул под кушетку. В расстроенных чувствах он улегся, и почти сразу пришел Сашка Латышев – тот молодой солдат, которого приставили помогать врачу. Постепенно он к Изотову так и «прилип», ходил за ним «хвостиком», выполняя те нехитрые задания, которые тот ему давал. В планируемом выходе на поверхность он также напросился в группу Изотова.

– Док, спишь?

«Вот, уже и кличка появилась, привяжется еще», – поду-

мал врач, поворачиваясь к нему с явно недовольным видом.

– Ну что тебе, Саш, не спится? Иди, ложись спать, завтра день тяжелый. Выспаться надо.

– Ага, я сейчас. Я только спросить, – зачастил он.

– Поспать сегодня не придется, – Максим уселся на кушетке и вопросительно посмотрел на парня. Несмотря на форму, солдатом его назвать язык не поворачивался.

– Мне это, я насчет завтра, – от усердия и волнения он даже вспотел.

– Так, Саша, давай быстрее мысль оформи, не тупи, выспаться надо и тебе, и мне.

– Да-да... Я насчет радиации... В общем, боюсь я, – Александр смущенно опустил глаза.

– А, вон ты про что? На этот счет не беспокойся. Прежде чем выйти, мы фон радиационный измерим. Определим время, сколько можно находиться на поверхности, чтобы безопасно для всех. И потом, я таблеточек всем перед выходом дам. Радиопротекторы – они защищают от радиации и ускоряют выведение ее из организма. Чего-чего, а этих таблеток у нас, как грязи. Вот других маловато. К тому же, ты у нас брюнет.

– И что? Это-то здесь при чем? – недоуменно залупал он глазами.

– А то, что брюнеты и вообще люди с повышенным содержанием меланина, пигмент такой в коже, легче переносят радиацию, чем блондины. Так что не беспокойся. Все бу-

дет хорошо, – успокоенный Александр улыбнулся и побрел в свой угол. Прямо на бетонном полу лежал жесткий матрас, служивший ему ложем.

– Все будет хорошо, – подумал Изотов, глядя на укладывающегося парня. К сожалению, сам он в этом не был полностью уверен. – Что мы увидим там на поверхности? Найдем ли кого? Спаслись ли мои? – С этими тяжелыми мыслями врач и заснул.

Глава 8

Соседи

Утро. Хотя какое утро под землей. Все так же тускло горели лампы. Все те же бетонные стены, покрашенные светло-зеленой краской. Говорят, что зеленый цвет успокаивает, что-то по первому дню не похоже. О том, что народ просыпается, говорил деловитый гомон из основного зала. Максим встал и умылся холодной водой. Оделся в заранее приготовленный комбинезон из плотной джинсовой ткани с логотипом завода. Подача воды из скважины велась по мере необходимости в большой резервуар в технической зоне убежища. Как объяснил сержант, который ведал всем этим хозяйством, скважина была пробурена до артезианских слоев (примерно сто пятьдесят метров глубины) еще до начала строительства убежища, и сам бункер строился уже вокруг нее. Это дало защитному сооружению постоянный источник чистой воды. На всякий случай кроме электронасоса была предусмотрена возможность накачать воду и вручную.

Перекусив банкой тушенки и чаем, Максим направился в сторону когда-то запасного, а ныне основного, собственно, и единственного выхода. Группа потихоньку собиралась. Выдав всем по две таблетки радиопротектора, врач настоял, чтобы все проглотили, хотя особо никто не упирался. Перед выходом стоял Виктор в защитном костюме, подобного

которому Изотов никогда не видел: ярко-оранжевого цвета, с индивидуальной системой дыхания и желтым баллоном с дыхательной смесью на левом бедре. Противогазная маска висела на шее, а в руках он держал счетчик Гейгера.

– Ничего себе прикидик! Это что за костюмчик? – произнес Максим, осматривая защиту.

– Это, брат, – сказал лейтенант, глотая врученные таблетки, – достижение защитной технологии нашего вероятного, а может, уже и реального противника. Дает защиту второго класса от радиации, химических и бактериологических веществ. Он у нас один такой. Я в нем наверх выйду, фон измерю и назад. А вам вон ОЗК, и «эльки» лежат, и противогазы.

Врач выбрал себе «эльку» и противогаз по размеру и начал натягивать на себя прорезиненные неудобные штаны. Сердце бешено стучало. Сказать, что он не боялся? Скорее, это похоже на прыжок с парашютом в первый раз. Страх и возбуждение накатывали волнами вместе с выбросом адреналина. После катастрофы прошло десять дней. Столько вопросов вертелось на языке. Какой там уровень радиации? Есть ли живые? Большие ли разрушения?

Одевшись и проверив работоспособность противогазов, отряд вышел на лестницу. На полу лежали герметично запакованные тела трех умерших. Это было еще одной целью выхода. Надо похоронить по-человечески. Виктор поднялся к внешней гермодвери. Раздался скрип отпираемого гермозатвора. Створка тяжело приоткрылась, выпуская его

наружу, а в просвет ворвались клубы пыли и ветер. Они быстро прикрыли дверь, не замыкая ее. Лейтенанта не было минуты две-три, и эти томительные минуты ожидания показались вечностью. Наконец послышались глухие удары. Впустив его, люди сгрудились вокруг, насколько позволяла площадка перед дверью. Голос, несмотря на переговорное устройство, был сильно заглушен.

– Значит, так. Видимость метров десять. Сильный ветер и пыль. Радиационный фон где-то около двухсот микрорентген в час. Значит, на поверхности можно находиться не более сорока пяти минут. В лучшем случае полчаса. Вы получите небольшую дозу. Таблетки, что доктор прописал, все проглотили? Все взяли индивидуальные дозиметры?

В ответ группа синхронно закивала и в противогазах стала похожа на ученых слонов из цирка.

– Повторю то, что обсуждалось вчера. Первая группа – налево, там стоянка. Задачу помните. Вторая группа – направо к КПП, искать запасной выход основного убежища. План местности вчера все видели. Передвигаться бегом, чтобы не терять время на дорогу. Первой выходит вторая группа, затем первая, и первая с собой прихватывает тела, я помогу. Я иду с первой группой до стоянки, а там посмотрю, что с основным выходом из убежища. Вторая группа – всем слушать Максима. Он ваш командир, – Максим поднял руку, на рукаве его «эльки» была нарисована черной краской жирная семерка. – Запомните, что бы ни случилось, через двадцать

пять минут разворачивайтесь и возвращайтесь обратно. Все, инструктаж окончен. Вперед.

* * *

Сквозь пыль иногда были видны тяжелые темные облака, низко летевшие над землей с бешеной скоростью. Ветер резкими неожиданными порывами накидывался с разных сторон. Он поднимал кучи пыли, закручивая их в причудливые воронки маленьких смерчей. А затем, наигравшись ими, резко исчезал, как будто игра ему наскучила. Пыль, оставшись без поддерживающей силы, образовывала причудливые фигуры, которые медленно оседали на землю или снова подхватывались новыми порывами. Постоянно возникающие и исчезающие фигуры-призраки напоминали то каких-то фантастических животных, то силуэты людей. Это было бы очень красиво и завораживающе, если бы не было так страшно. Трехэтажное кирпичное здание, находившееся напротив выхода, превратилось в кучу строительного мусора, а железный ангар устоял, поблескивая в просветах сорванной обшивки стальным скелетом. Хотя по логике, при взрыве должно уцелеть более прочное здание, но по каким-то странно сложившимся законам физики взрывная волна пересмотрела критерии прочности этих строений.

Вторая группа вышла на поверхность и построилась заранее оговоренным порядком. Первым шел, а скорее бежал

трусцой, Максим. За его спиной болтался укороченный короткоствольный «калаш». Зачем его взяли? Против оружия Изотов возражал, но его никто не слушал. Лишняя обуза. Лучше бы вместо него еще одну кувалду или лом тащили. Сзади, как волчонок, бегущий за своим вожаком, след в след топал Сашка Латышев. Он семенил за врачом и громко пыхтел в своем противогазе, иногда поглядывая на шкалу висящего на нем счетчика Гейгера. Что он там видел, непонятно, но рядовой добросовестно исполнял возложенные на него обязанности. Судя по схеме, нам следовало двигаться направо вдоль стоянки. Но... машин, собственно как и самой стоянки, не было. Видимость действительно была метров десять, может быть пятнадцать, а вместо стоянки с машинами была голая площадка с местами потрескавшимся и вздыбившимся асфальтом. Командир группы посмотрел налево и в круговерти пыли увидел груду автомобилей. Словно гигантской метлой сметенные в огромную кучу, они темнели метрах в пятидесяти у стены устоявшего цеха. Он показал направление и первым побежал трусцой, срезая намеченный путь, сокращая его через бывшую парковку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.